

H.

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

10

МОСКВА

1927/28

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ НАУК

БЮЛЛЕТЕНЬ

Г. А. Х. Н.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ АКАДЕМИИ
ПРОФ. А. А. СИДОРОВА

10

Печатается по распоряжению
Ученого Совета Г. А. Х. Н.
Ученый Секретарь
Проф. *А. А. Сидоров.*

Редакция выпуска закончена 1 апреля 1928

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ Г.А.Х.Н. VIII—XII 1927:

	<i>Стр.</i>
Социологический разряд	5
Физико-психологический разряд	8
Философский разряд	13
Литературная секция	17
Секция пространственных искусств	28
Театральная секция	35
Музыкальная секция	40
Декоративный комитет	45
Отдел по изучению искусства народов СССР	48
Библиологический отдел	54
Кино-кабинет	60
Психо-физическая лаборатория	63
Хореологическая лаборатория	66
Научно-показательная часть	68

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Жорж Дюамель в Г.А.Х.Н.	70
---------------------------------	----

Социологический разряд.

В 1927/28 академический год разряд вошел с совершенно новой установкой своей работы. Было решено центр тяжести в деятельности разряда перенести с самостоятельных заседаний и докладов на систематическое участие в работах остальных ячеек Академии, которые в той или иной мере, по особенностям ли своего материала или, главным образом, по его трактовке, входят в круг вопросов, интересующих разряд. Это мероприятие было вызвано рядом причин и вытекало из всего опыта прошлых лет. Играла роль здесь и бедность квалифицированных марксистских искусствоведческих сил, совершенно непропорциональная необъятности материала и вытекающей из него „энциклопедичности“ задач, стоящих перед разрядом. Но главным соображением было то, что лишь путем перенесения центра тяжести на участие в работах всех разделов и секций Академии, Социологический разряд сможет выйти за пределы замкнутой ячейки и действительно выполнять свои функции разряда, — направлять и объединять работу всех органов Академии в данном подходе к искусству.

Для конкретного осуществления этого начинания 21/XI-1927 г. было создано заседание пленума разряда с участием представителей всех разрядов и секций Академии, на котором были обсуждены производственные планы последних; из этих планов были выделены, на совместное заслушание и проработку, доклады, входящие в круг интересов и компетенции Социологического разряда. Было признано желательным подобные заседания устраивать периодически и сделать их постоянным учреждением, с тем, чтобы на них обсуждались не только организационные, но и чисто научные вопросы проблематики, социологического изучения искусств. Социологический разряд, со своей стороны, прикрепил каждого из своих сочленов к определенной ячейке Академии, принимать участие в работах которой данный член обязан, кроме непосредственной работы в самом разряде.

Структура разряда в первом полугодии 1927/28 академ. года подверглась изменению. В целях концентрации и углубления работ число ячеек разряда было уменьшено. Комиссия нового русского искусства, часть комиссии революционного

искусства и кружок по социологии стиля слились в одну комиссию и, таким образом, в текущем академическом году в составе разряда работают 3 комиссии и 2 кабинета.

Комиссия социологического изучения искусства за истекший период имела 3 заседания: распорядительное заседание было посвящено конкретной разработке производственного плана и распределению работ по линии музыки, изобразительных искусств, театра и кино; занятия решено вести путем коллективной проработки согласованных тем. Из научных заседаний одно было посвящено докладу (8 XII) С. С. Алексеева: „Социологическое изучение форм посуды“ и было организовано совместно с Декоративной секцией (см. ее отчет). Другое заседание было посвящено заслушиванию доклада (9 XII) Д. Л. Аспелунда: „Упадок вокального искусства и старая итальянская школа“. Докладчик указал, что социологический метод может восполнить наше представление о „старой итальянской школе“ в ее культурном и социальном окружении. Опыт характеристики ее с использованием данных смежных наук (физиология) с учетом современного состояния музыки и моментов этнографического и социального порядка и был дан в докладе.

Комиссия по социологическому изучению литературы имела 3 заседания: 3 X—с докладом В. Г. Совсуна „Помяловский“. Докладчик показал, что Помяловский по своей идеологии был представителем новой интеллигенции 60-х г. г., вышедшей из мелко-буржуазной ремесленной среды, несшей с собою традиции анархизма, индивидуализма и стремление к личной свободе. 14 XI—с докладом У. Р. Фохта: „Демон Лермонтова“. Докладчик на анализе „Демона“ показал, что Лермонтов был представителем русской аристократии 30-х г. г. 12/XII—с докладом И. М. Беспалова: „Стиль ранних рассказов Горького“; докладчик на основании анализа рассказов Горького, показал, что Горький был выразителем идей уездной мелко-мещанской среды при развитом капитализме.

Кабинетом революционного искусства Запада были проведены следующие работы:

Подготовлена выставка работ немецкой художницы Кете Кольвиц по материалам, имеющимся в кабинете, а также присланным фирмой Э. Рихтер. Уч. секретарем кабинета, А. Н. Гречем, написана работа о творчестве художницы по заказу Центрального музея Татарской Республики, обратившегося в кабинет с просьбой переслать выставку в Казань по окончании ее в Москве. В связи с подготовленной выставкой Кете Кольвиц (осуществленной в Музее изящных искусств), кабинет разработал план устройства ряда других выставок западно-европейских революционных художников. Кабинетом завязаны переговоры с парижскими графиками. По запросу научно-показательной части Г. А. Х. Н. кабинетом была подготовлена

„типовая“ выставка гравюр (на революционные темы, быт и труд рабочих Запада и т. д.) для демонстрации ее в крупных клубах г. Москвы.

Кабинетом, в лице заведующего им М. Д. Эйхенгольца, была составлена библиография новых книг по вопросам, входящим в круг занятий кабинета. К приобретению книг приступлено.

Кабинет принял участие в выставке книг, устроенной Неофилологической библиотекой ко дню 10-летия Октября.

Материалами своими кабинет снабжал ряд лиц и учреждений: Центральный музей Татарской Республики, журнал „Красная Нива“, Комиссию по чествованию А. Барбюсса и др.

В кабинете революционной литературы за истекший период состоялось одиннадцать заседаний, посвященных разбору приготовленных для 2-го тома „Словаря“ статей; было заслушано 2 доклада: 1) И. М. Машбиц-Верова: „Русские писатели национальных республик“ (12 XI), 2) Д. С. Усова: „Ленинградские поэты-попутчики“ (19 XI). Докладчик показал что, ленинградские поэты попутчики в настоящий период, главным образом, занимаются переводческой деятельностью и газетной и журнальной работой.

Физико-психологический разряд

В период с сентября 1927 г. по январь 1928 г. научная работа разряда была сосредоточена в ячейках последнего. Президиум разряда провел десять заседаний организационного характера, рассмотрев и утвердив планы работ комиссий и групп.

В Кабинете по изучению примитивного искусства А. С. Шастовым был прочитан (5/X) доклад на тему: „Первые стадии эволюции конструктивно-технической деятельности ребенка дошкольного возраста“. Докладчик дал развитие свободного творчества из дерева одного ребенка за два года (с 3 до 5 л.). Методом работы были наблюдения и изучение по планам, разработанным и изложенным в книге А. В. Бакушинского. Н. И. Дьяков прочел (26/X) доклад: „Метод исследования интеллектуального развития детей по их рисункам“. Докладчик излагает метод *goodenough*, который использует детские рисунки как показатель интеллектуального развития детей. Данный метод изучает повозрастно изображение человеческой фигуры в рисунке. Подсчет типических особенностей дает скалу в 51 признак, которые нарастают по возрасту. Н. П. Сакулиной было сделано сообщение (23/XI) о работе кабинета за истекший 1926/27 г. и представлен проект работы на 1927/28 г.

Первым докладом полугодия Комиссии по изучению художественного творчества был доклад (7/X) Б. А. Грифцова: „Психический автоматизм и творчество М. Пруста“. Докладчик стоял на той точке зрения, что писательской биографией Пруста подтверждаются обычные законы психологии писателя — отграничение себя от мира свершений, выявление в писательстве воспоминаний, лишенных осознанной целесобразности и реинтеграции переживаний в их подсознательной сложности. По мнению докладчика, Пруст психологически близок Бергсону, Фрейдю и Жане. Роман Пруста открывает новые проблемы перед научной психологией. В прениях указывалось на некоторый импрессионизм изложения и недоказанность отдельных положений.

В докладе (14/X) о творческом генезисе повести Чехова: „Три года“ (на соединенном заседании с Подсекцией теоретической поэтики) П. С. Попов, на основании записных книжек Чехова и первой редакции повести, а также воспоминаний

родных и переписки писателей сделал попытку воссоздать творческий путь рассказа: „Три года.“ Докладчик устанавливает определенную классификацию многочисленных фрагментов записей, касающихся „Трех годов“, и пытается вскрыть какие впечатления и настроения Чехова стимулировали его к созданию этого произведения и использованию данных записей. В прениях обнаружилось расхождение, сводившееся к тому, что некоторые оппоненты не признавали возможным придавать значение субъективным самовысказываниям Чехова, которые были использованы докладчиком.

В докладе (18 XI): „Психологические данные к вопросу о происхождении орнамента“ Н. В. Петровский пытался вскрыть психологическую сторону происхождения орнамента. Не удовлетворяясь главными теориями происхождения орнамента (натуралистической, технологической и нативистической), докладчик считал, что для решения поставленного вопроса чрезвычайно существенны положения современной структурной психологии, правильно учитывающей значение формы в познании и творчестве. В основании образования орнамента и лежат отдельные структурные тенденции. В прениях были выставлены возражения как против самой теории структурной психологии, так и в связи с неправомерностью ссылки на структурную психологию при решении вопроса о происхождении орнамента.

В докладе: „Древне-египетская культура и проблема творчества“ Т. И. Райнов (28 X) исходил из мысли о возможности существования двух различных типов культур: в то время, как современная культура характеризуется тенденцией к социальному отделению смысла действия от самого процесса, теории от практики, существовал и противоположный тип, для которого характерна тенденция к одновременному взаимопроникновению смысла и процесса. В прениях указывалось на отсутствие доказательств в утверждениях докладчика.

А. Ф. Лосев в докладе: „О мифотворчестве“ (9 XII) хотел дать, прежде всего, известное определение мифа и вскрыть его основные черты. Миф характеризовался, как диалектически необходимая структура сознания, при этом не имеющая никакого отношения к науке. Миф не есть поэзия, его бытие не отрешенное, а реальное. Миф, наконец, не есть религиозная установка. В прениях указывалось на желательность особого доклада на тему о значении мифа в художественном творчестве.

Группа по изучению творчества душевно-больных заслушала за отчетный период четыре доклада: В докладе (3 X): „Принципы футуристического творчества“ П. В. Карпов старался показать, вопреки мнению некоторых авторов, считающих творчество футуристов схожим с творчеством душевно-больных, что итальянский футурист был вызван к жизни социальными причинами. Итальянцы потеряли связь с высоким

искусством прежних веков, перестали понимать его, а лишь паразитируют на нем. Этим объясняется бунт Маринетти, поднятый против художественной Италии. В России футуризм не имел почвы, потому он и выливался в уродливые формы.

П. И. Карпов в докладе: „Миф и сказка в живописи“ (17/X) разобрал творчество Врубеля и Чюрляниса и отнес их к творцам циклотимикам, отметив особенности их художественных приемов, реализовавших миф и сказку на художественных полотнах.

В. П. Дитиненко был прочитан доклад „Личность и творчество циклотимика N“ (16/XI). Докладчица использовала анкетный метод, выработанный комиссией, и дала полный анализ личности и творчества артиста циклотимика.

В результате наблюдений над больным художником Н. Б. А. Кузминым был зачитан доклад (28/XI): „Влияние паранормальной конституции на творческий процесс“, в котором докладчик дал тонкий анализ личности исследуемого и его творческие продукты.

Комиссией по изучению художественного восприятия был заслушан доклад (совместно с Секцией пространственных искусств) Д. С. Недовича: „Трагикомедия художественной критики“ (23/XI).

Комиссия по изучению восприятия пространства. В Комиссии было 5 заседаний. Доклад В. К. Бубновой (27/X и 24/XI): „О репродукции фигур и их положения в пространстве“ представлял подробно разработанный план экспериментального исследования, имеющего в виду произвести анализ встречающихся ошибок в отношении формы, положения и размера фигур, выяснить: различные способы заполнения фигур в связи с их репродукцией, влияние видения окружающих предметов при экспозиции фигур, влияние размера фигур и резко очерченного контура, а также симметрического расположения на запоминание положения и формы.

В докладе (1/XII и 8/XII): „Композиция и ритм в живописи“— Н. М. Тарабукин старался показать, что композиция разворачивается в пределах и на основе композиционного членения материала. Ни в какой другой форме живописи ритм и композиция не приобрели такой выразительности, как в русской иконописи периода ее расцвета. Композиция иконописных произведений дает основание заключать, что будучи изумительно ритмичной, она строилась приблизительно на тех же принципах, как и музыкальные произведения классического стиля.

Н. П. Ферстер в докладе „О передвижении внимания в пространственной ориентации“ (23/XII) подчеркнул, что переходам внимания от одной части картины к другой содействуют различные линии, контуры фигур и т. п. Следует определить закономерность движения внимания в зависимости от формы

линий, фигур и т. п. Определение направляющего влияния линий и форм имеет значение для объяснения роли композиции в восприятии картин.

В Группе по психотехнике вокального искусства состоялись следующие доклады: Н. И. Калный-Гондольфи— „Постановка вокально-педагогического дела за границей“ (25/X) (по впечатлениям поездки за границу); Е. Ф. Цертелевой— „Освобождение тела певца от напряжения по способу выстукивания ритма“ (15/XI) (доклад с демонстрациями и экспериментами); Э. К. Розенова— „Связь дыхания с грудным резонансом, как главное условие освобождения голоса от напряжения“ (29 XI); продолжение доклада лабораторные исследования грудного резонатора Гиссвейна, Шефера, Скриптюра и др. состоялось—13 XII. Здесь произведено было обсуждение организации экспериментов по грудному резонансу и его свойствам.

Работа Комиссии художественного воспитания идет по двум направлениям: 1) изучение положения художественного воспитания в историческом разрезе, 2) проблема художественного воспитания в современной постановке. С осени этого года продолжена была работа в первом направлении по плану прошлого года и был разработан план систематической работы по изучению воздействия художественного слова и педагогического применения этого воздействия. Были заслушаны два доклада А. К. Живелегова: „Художественное воспитание в культуре Италии XIV—XV в. в.“ (30 X) и „Воспитание художника в Италии в эпоху Возрождения“ (28 XI) и доклад Н. И. Радцига: „Академия музыки и поэзии и Академия красноречия во Франции XVI в. и их влияние на художественное образование“ (12/XII). Первый из названных докладов показывал, как определенные элементы художественной культуры пропитывали всю общественную и частную жизнь Италии, и под влиянием каких, именно, художественных воздействий складывалась личность человека того времени. Второй доклад характеризовал обстановку мастерской художника и приемы художественно-педагогического воздействия. Он показывал, что основным было простое введение ученика, в художественную и черновую работу мастерской. Ученик, прежде всего, делался помощником учителя. Доклад Н. И. Радцига показывал, как обе академии сосредоточили в себе все особенности художественной культуры и художественных вкусов того времени и стали источником художественного воздействия в очень узком аристократическом кругу.

В виду того, что работа предшествующих лет Группы по экспериментальному изучению ритма показала большую сложность ритмических переживаний, захватывающих все функции сознания, различные стороны физиологических

процессов организма, группа по изучению ритма поставила своей задачей в текущем году произвести феноменологический и психологический анализ понятиям ритма.

В первом заседании группы был просмотрен и дополнен план работы, выработанный в конце прошлого академического года, и был намечен календарный план работ на текущее полугодие.

Следующие заседания, состоявшиеся 15 XI, 22 XI и 20/XII посвящены были заслушанию и обсуждению следующих докладов: А. Ф. Лосева на тему „Понятие ритма у Шеллинга“ и „Понятие ритма у Гегеля“; И. П. Четверикова на тему „Понятие ритма в эстетике Платона“.

Философский разряд

В Философском разряде к осени 1927 28 ак. года произошли некоторые организационные видоизменения. Работа, ранее ведущаяся в 4-х комиссиях и одном кабинете, была сконцентрирована в двух основных ячейках: 1) в комиссии „по изучению общей теории искусства и эстетики“ и 2) в Историко-терминологическом кабинете. Работа кабинета была организована в двух направлениях, собственно терминологическом (исследование художественной терминологии) и историческом (история эстетики). Эти видоизменения произошли в связи с общим переустройством комисионной работы во всей Академии, согласно директивам Ученого Совета.

В осеннем полугодии Философский разряд продолжал выполнение своего плана. В это время особенно укрепилась связь с некоторыми ячейками других секций и углубление работы пошло в направлении изучения конкретных и специальных проблем теории искусства. Так Философский разряд принял участие в работах кабинета при СПИ по „изучению русского искусства“. Здесь был поставлен ряд принципиальных вопросов о формах описания художественного памятника, выработано несколько схем описания, составленных на основе анализа структуры художественного произведения. Эта работа оказалась весьма плодотворной и удовлетворила всех ее участников. Кроме того, организовалась работа по изучению специальных принципов архитектуры. Эта работа ведется под руководством архитектора И. В. Желтовского и имеет целью установление основных архитектурных структур. Философский разряд далее вел, за это время, эпизодическую консультационную работу в Психофизической лаборатории и установил связь с социологическим разрядом в двух направлениях: 1) участие в разработке общей темы: „Социология искусств“ и 2) совместная работа по целому ряду терминов для словаря художественной терминологии. Наконец, было организовано несколько научных заседаний совместно с другими секциями для обсуждения докладов на общие и смежные темы.

Работа Философского разряда в отчетном полугодии развернулась в следующем виде:

В Комиссии по изучению общей теории искусства и эстетики состоялся (18/X) доклад Н. М. Тарабукина

на тему: „Общие предпосылки проблемы пространства“. Докладчик изложил разные понимания пространства в психологии, физиологии, физике, математике, философии и перешел далее к установлению 4 типов пространства в живописи: 1—реальное пространство, 2—иллюзорное, 3—эксцентрическое и 4—гиперпространство. В прениях дебатировался, главным образом, вопрос о связи пространств, установленных наукой, и специфического пространства в живописи. Доклад этот был совместным с теоретической п/секцией СПИ.

1/XI совместно с Кино-кабинетом состоялся доклад С. С. Скрябина на тему: „Искусство ли кино“. Докладчик отвечал на вопрос положительно. Определяя кино, как искусство синтетическое, он отграничивал его от других видов, главным образом, от театра и от изобразительных искусств. При обмене мнений оппоненты, с разных сторон, подчеркивали специфические особенности художественной формы кино. 15/XI состоялся доклад Б. А. Фохта на тему: „Об основных принципах философии языка по Э. Кассиреру“. Изложив основные положения Кассирера, докладчик остановился на той эволюции, которую проделало современное кантианство в связи с привлечением нового круга вопросов (язык, миф). В прениях некоторыми оппонентами было высказано мнение, что в результате привлечения этих вопросов кантианство потерпело крах. 22/X и 24/XI был заслушан и обсужден доклад Н. И. Жинкина: „Миф“. В первом сообщении докладчик шел методом отождествления, рассматривая миф, как слово, миф, как отношение, как чистое безрефлексное содержание. Во втором сообщении он применил метод различения, устанавливая оттенки и различия между 30-ю смежными понятиями. В центре стояла проблема апоэтического сознания. В весьма оживленных прениях приняли участие все члены разряда, возражая, главным образом, против беспредметности и нереклексивности мифического сознания. 20/XI и 6/XII совместно с Теоретической п/секцией Театральной секции был заслушан доклад П. М. Якобсона на тему: „Что такое театр“. Докладчик признавал центральным понятие „жеста“, распространяя его на всю сферу театра. Не только движение актера, но и его голосовую модуляцию, место на театральной площадке, саму площадку, декорацию и проч. следует рассматривать как жест. В прениях, занявших два заседания, были выдвинуты проблемы зрителя — вопрос о форме его участия в творчестве спектакля и проблема определения самого спектакля.

В Историко-терминологическом кабинете по Теоретическому разделу кабинета работа шла в трех направлениях: 1) составление картотеки художественной терминологии; 2) подготовка к изданию словаря художественной терминологии и 3) разработка терминов. Составление картотеки

значительно подвинулось. В настоящее время имеются разнесенные по карточкам выписки из основных авторов на такие термины, как „искусство“, „интерес“, „аффект“, „прекрасное“, „природа и искусство“, „содержание и форма“, „творчество“, „эстетическое наслаждение“ и т. д. Кроме того, положено начало библиографической картотеке. Кабинет располагает теперь более, чем 2.000 карточек с указанием специальной литературы по основным вопросам теории искусства и эстетики. Подготовка к печати „Словаря художественной терминологии“, редакция статей и распределение терминов происходит, главным образом, в президиуме кабинета.

На общих заседаниях кабинета за истекшее полугодие были заслушаны и обсуждены следующие термины: в заседании 4/XII статьи Б. А. Фохта: „Конкретное“ и „Имманентное“. Докладчик противопоставлял конкретное — дискретному, спор в прениях сосредоточился вокруг этого вопроса, так как оппоненты настаивали на необходимости учета другой традиции — противопоставление конкретного — абстрактному. По отношению к статье об „Имманентном“ оппоненты настаивали на введении специально искусствоведческого применения этого термина. 11/X была обсуждена статья Н. И. Жинкина: „Идея“. Автор преследовал цель установления систематической и исторической диалектики этого понятия; было признано желательным несколько расширить изложение части статьи, посвященной идее в искусстве. 20/X обсуждалась статья А. Ф. Лосева: „Единство“. В прениях было указано на необходимость введения точных разграничений между такими терминами, как „единство“, „единообразие“, „единое“, „единство как синтез противоположностей“, а также вместо интерпретации разных точек зрения ограничиться их объективным установлением. 3/XI рассматривалась статья А. Ф. Лосева: „Искусство“. Было вынесено предложение переработать статью, обратив внимание на более четкое взаимоотношение между теорией искусства и эстетикой, а также внести в изложение принципы для анализа основных слоев художественного произведения.

1/XII—рассматривалась статья Н. И. Жинкина: „Миф“ в связи с его докладом и прениями в Комиссии по общей теории искусства и эстетики. 13/XII—была рассмотрена статья Б. В. Горнунга „Влияние“. В прениях подробно обсуждался вопрос о роли разных влияний на форму художественных произведений.

По историческому разделу кабинета работа сосредоточилась на двух вопросах: 1) истории эстетики в России и 2) истории мифологии на западе. 13/X—состоялся доклад А. Ф. Лосева на тему: „Античная философия мифа“. Докладчик останавливался на теории мифа у Прокла. В прениях было отмечено отсутствие исторического подхода к воззрениям

автора и в противоположность докладчику подчеркивался аллегорический характер установки на миф Прокла. 25/X обсуждался доклад А. К. Соловьевой на тему: „Воззрения на искусство—Николая Соловьева“. В докладе, кроме собственно исторической части, были и обще-методологические положения о способах исторического изучения эстетика, критика и публициста. Специально обсуждался вопрос о социальном окружении Н. Соловьева и его месте в истории идей 60-х годов. 17/XI—состоялся доклад А. А. Буслаева на тему: „Материалы по истории эстетики Пушкинской группы около 30-го года“. Докладчик сосредоточился на критических статьях в „Литературной газете“ Дельвига-Сомова. В прениях был поставлен вопрос о роли работ Катенина и о пределах и понятии самой Пушкинской группы. 10/XII—состоялся доклад Н. В. Петровского на тему: „Понятие мифологии у Шеллинга“. Доклад ставил целью изложение основных разделов текста лекций о философии мифологии. В прениях были затронуты вопросы об эволюции взглядов Шеллинга и о связи его теории с ранними романтиками и гегельянцами. 15/XII был заслушан доклад А. И. Кондратьева: „Эстетика и критика Мерзлякова“. Оставаясь на теоретических статьях Мерзлякова, докладчик пытался показать насколько недооценены были эти взгляды последующими поколениями.

Литературная секция

Первое полугодие 1927/28 академического года успело с достаточной отчетливостью наметить в деятельности Литературной секции осуществление новых заданий ее годового плана. Редактирование статей для литературного тома энциклопедии художественных терминов, организация юбилейного сборника по вопросам эстетики Толстого, устройство серии докладов в связи с текущими крупными датами литературной летописи (Некрасов, Толстой), все это, выдвигая новые проблемы в деятельности секции, совмещалось с продолжением разработки ее прежних основных тем: символизм, проблемы ритма и стиля, современный литературный запад, художественная фольклористика в наши дни, вопросы устного рассказа и лекторского искусства, творчество Достоевского и Блока. Развиваясь в различных направлениях, продолжая углублять наметившиеся ранее интересы, при систематическом обращении к новым заданиям, органически входящим в состав ее деятельности, Литературная секция продолжает в текущем академическом году широко развешивать свою исследовательскую работу.

Пленум секции в истекшем полугодии заслушал доклады о Пушкине — П. Е. Щеголева и Ю. Г. Оксмана. Прочитанный 3/X доклад П. Е. Щеголева: „Анонимные пасквили и враги Пушкина“ (в настоящее время напечатан в 3-м издании „Дуэль и смерть Пушкина“, Л. 1928) вызвал сочувственную оценку М. А. Цявловского, который дополнил сообщение ссылками на неназванные докладчиком работы Б. Л. Модзалевского и Б. В. Томашевского и отметил, что характеристику Долгорукова можно дополнить рядом других материалов. Сообщение П. Е. Щеголева, по мнению М. А. Цявловского, можно свести к следующим основным положениям: 1) чтение пасквиля приводит к бесспорному выводу, что прочтение диплома указывает на „царскую линию“, 2) причастность Геккерена к пасквилю следует признать установленной, хотя выполнение замысла было осуществлено не им. Присоединяясь к выводам П. Е. Щеголева, М. А. Цявловский отмечает, что не будучи сплошь новыми, разыскания его с изумительным богатством устанавливают картину, предшествующую смерти Пушкина.

Ю. Г. Оксман в докладе: „Опыт пересмотра вопроса о лицейском кодексе Пушкина“ (28/XI) на основании ряда новых

текстологических и хронологических данных предложил следующую группировку лицейских стихотворений:

Послания:

К Александру.
К Жуковскому.
К Батюшкову.
К Галичу.
Дельвигу.
Сестре.
Бонапарту.
К Юдину.
Пушкину.
Ломоносову.
Трубецкому.
Лидию.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лень.
Друзьям.
Шишкову.
Актрисе.
(Завещание).

Лирические:

Наполеон на Эльбе.
Воспоминания в Царском селе.
Оранскому принцу.
Певец.
Слез.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальдо
и все пьески.
Пирующие студенты.
XV элегий.
Эпиграммы. Надписи.
Картины.
Леда.

В прениях, по докладу, М. А. Цявловский отметил значение прочитанного списка, но, разбираясь в хронологических соображениях докладчика, признал их в некоторых частях недостаточно доказанными. Нарушение обычной традиционной хронологии касается лишь немногих пунктов. Послание к Жуковскому правильнее приурочить к Василию Пушкину. Указанные сближения с Гофманом, Аксаковым и др. представляются оппоненту спорными.

В пленум Литературной секции было перенесено одно из заседаний Фольклорной п/секции с докладами Б. М. Соколова: „Научная ценность новых записей былин“, Ю. М. Соколова: „Результаты экспедиций 1927/1928 г.“ и В. А. Дынник: „По северному краю“ (см. в отчете Фольклорной п/секции).

Подсекция теоретической поэтики в первом полугодии академического 1927/28 года продолжала заниматься изучением вопросов, поставленных в предшествующем году: проблемы стиля и ритма.

Изучению стиля был посвящен доклад (19/XII) К. Г. Локса: „Стилистический анализ современной русской прозы“. К. Г. Локс подошел к анализу современной прозы с точки зрения основных стилистических традиций русской литературы XIX века. Эти основные традиции были определены им, как традиции двух стилей: стиля эстетической концепции, восходящего к Пушкину и стиля натуралистической передачи, восходящего к Гоголю. На целом ряде удачно подобранных примеров докладчик показал преобладающее господство в современной литературе стиля натуралистической передачи, у некоторых писателей проявляю-

щегося в столь крайней форме, что произведения их выпадают из категории произведений эстетических. Интересные замечания по поводу доклада Г. К. Локса сделаны были Р. О. Шор, отметившей многочисленные лингвистические промахи, встречающиеся у современных писателей: необоснованные анахронизмы, неправильное употребление технических терминов, диалектическое смешение, частое несоответствие языка героя с его социальным обликом. Проблеме ритма посвящены были доклады Л. И. Тимофеева: „К вопросу о строении и развитии тонического стиха“ (25/IX) и Б. И. Ярхо: „Ритмика русских интермедий XVIII века“ (27/X). Доклад Л. И. Тимофеева, построенный на основе статистического анализа $4\frac{1}{2}$ тысяч тонических стихов, преследовал цели определения и характеристики русского тонического стихосложения. Оживленные споры вызвало предложенное докладчиком определение тонического стиха, как стиха, ритмическое строение которого обуславливается особой ролью конечных ударений, осуществляющих деление стиха на ритмические единицы, и ударений внутристиховых, определяющих соизмеримость ритмических единиц. Доклад Б. И. Ярхо представлял собою стилистическое исследование ритмики русских интермедий XVIII в. Первая часть доклада содержала описание ритмических особенностей интермедий по схеме их общих, групповых и индивидуальных признаков, вторая часть — определение генезиса фонической формы интермедий, характеристику эволюционного процесса, лежащего в основе фонического развития последних, и решение филиации различных видов интермедий.

Помимо отмеченных докладов в заседании, объединенном с Комиссией по изучению художественного творчества, заслушан был доклад П. С. Попова: „Творческий генезис повести Чехова: „Три Года“. Сведения о данном докладе помещены в отчете Физико-психологического разряда.

В конце предыдущего отчетного полугодия (см. бюллетень № 8—9) состоялся ряд докладов, не включенных в прошлый отчет п/секции истории русской литературы. Сведения о них по недосмотру не включены в Бюллетень Г. А. Х. Н. № 8—9. 6/V был заслушан доклад И. Р. Эйгеса: „Блок и Полонский“. Ряд свидетельств в литературе о Блоке и в его произведениях говорит об отношениях Блока к поэзии Полонского. У Блока встречаются прямые реминисценции ее. Внутреннее родство обоих поэтов обнаруживается в близости „Прекрасной дамы“ — центрального образа Блока — к „Царь девице“ — Полонского. В творчестве Блока и Полонского находит сильное выражение тема двойника (12/V). Доклад Н. Г. Булычева: „Блок, как теоретик русского символизма“ (совместно с Ассоциацией по изучению творчества А. Блока). 20/V состоялся доклад Н. К. Гудзия „Тютчев в русском символизме“. Большое

влияние Тютчева на поэтов русского символизма подтверждается личными их признаниями, значительным вниманием, которое они уделяли Тютчеву в своих критических и историко-литературных работах и, наконец, анализом поэтической продукции символистов. В деле популяризации поэзии Тютчева крупная роль принадлежит Вл. Соловьеву. Наиболее сильное творческое воздействие Тютчева испытали: И. Коневский, В. Иванов, Ю. Балтрушайтис, В. Брюсов. В известной мере повлиял Тютчев также на Мережковского, Э. Гиппиус, Блока, В. Гиппиуса (Бестужева), Чулкова, Верховского, Волошина, С. Соловьева и др. Характерный для поэтов-символистов культ Тютчева распространил его влияние и за пределы символизма в его обычном персональном приурочении: оно ощутимо также в лирике В. Ходасевича, О. Мандельштама, Ахматовой и др. 17/VI был заслушан доклад И. Л. Поливанова: „Лирика смерти в поэзии Полонского“. Тема смерти избрана лишь как прием для выяснения связи „лирического вдохновения“ с личной жизнью поэта. Докладчик утверждает значительность этой темы, как мерил лирических свойств и средств поэта; Фет и Полонский сопоставляются как „лирики смерти“. Подтверждением должен служить анализ стихотворений Полонского по десятилетиям, с 50-х по 90-е г. г. Доклад В. Ф. Саводника (17/VI): „Толстой в Париже в 1857 г.“, построенный на строго фактическом материале, носил характер информационный.

Псекция истории русской литературы в отчетном полугодии занималась преимущественно вопросами изучения творчества Льва Толстого, продолжая отчасти и разработку литературной истории русского символизма (совместно с Комиссией по изучению творчества Блока). В плане первого задания был заслушан доклад М. А. Цявловского: „Работа Толстого над „Детством“ (7/X). Докладчик сообщил ряд неизданных вариантов „Детства“, как бы намечающих переходную стадию между дневниками Л. Толстого и последней редакцией „Детства“. По мнению докладчика, они подтверждают некоторые положения Б. Эйхенбаума — напр., о противоборстве романтической традиции, о снижении тона в сторону искренности. Для литературоведа ценность их может лежать в большей обнаженности приемов, нежели в окончательной редакции. Доклад Н. Н. Гусева: „Как писалась и печаталась Анна Каренина“ (21/X) разрабатывал вопрос о процессе создания „Анны Карениной“, приводящий к заключению, что роман в черне мог быть написан уже в мае 1873 г. Далее докладчик исследовал вопрос о прототипах „Анны Карениной“, изучил переписку со Страховым, как мотив для раскрытия внутреннего строя Толстого и дал сводную картину критических отзывов о романе. Доклад Н. К. Гудзия: „Толстой и Лесков“ (18/XI) был посвящен вопросу фактического взаимоотношения писателей, начиная

с 1887 г., вслед за знакомством Лескова с Толстым, начинается оживленная переписка обоих писателей (особенно интенсивная со стороны Лескова), которая продолжается почти до смерти Лескова. Письма эти (около 50), хранящиеся в рукописном отделении Ленинской библиотеки и еще неопубликованные, дают ряд ценных указаний о процессе создания ряда произведений Лескова, об отношениях Толстого к Лескову — писателю, а также материалы для уяснения духовной эволюции Лескова, обусловленной сильным влиянием Толстого. Н. Н. Апостолов в докладе „Толстой и Пушкин“ (2/XII) стремился осветить новыми фактами биографическую сторону вопроса об отношениях Л. Толстого к Пушкину.

Разработка символизма выразилась в двух докладах: Е. Ф. Книпович: „Блок и Герцен“ (16/XII) и В. В. Гольцева: „Блок и Брюсов (4/XI). Изложение обоих докладов см. в отчете Комиссии по изучению Блока.

П/секция всеобщей литературы из четырех научных заседаний посвятила одно взаимоотношениям Л. Толстого и западной литературы, заслушав доклад М. А. Петровского: „Л. Толстой — критик Шекспира“ — (2/XI) В. А. Сапожникова в докладе на тему „Эстетические теории Б. Кроче в применении к освещению творчества Данте“ (16/XI) выдвинула следующие теоретические положения: 1. Согласно Кроче искусство, как деятельность представления или фантазии, предваряет деятельность логического мышления. Сущность художественного творчества сводится к лирической интуиции или априорному синтезу чувства и представления в выражении. 2. Кроче мыслит художественное выражение, как органическую связь формы и содержания конкретной (индивидуальной) эстетической данности. Это положение приводит его в плане поэтики к выделению искусствоведения из сферы научного знания. 3. Положительная программа Кроче сводится к построению критики, эстетической и исторической одновременно: он отказывается от эстетического релятивизма и утверждает абсолютный эстетический вкус. 4. В области истории искусства, вообще, и истории литературы, в частности, Кроче советует прибегать к монографическому изучению отдельных художников, считая связанное историческое изложение литературы по эпохам, национальностям, стилям и каким-либо другим признакам устаревшим, несущественным или не достигающим эстетического предмета („Реформа истории искусства и литературы“). В докладе: „Мироощущение немецкого экспрессионизма“ (30/XI) Е. Ланн дал обобщающее философское обоснование немецкому экспрессионизму, охарактеризовав настроения технической и художественной интеллигенции предвоенной Германии (бессилие урбанического футуризма вывести литературу из тупика субъективизма). Война вызвала новый внутренний опыт художника,

привела к краху субъективизма и наметила выход в реализм. Это наметило пути и методы экспрессионизма, ярко окрашенного революционным мироощущением. Н. Ф. Русанов в докладе: „Творчество Маллармэ“ (14/XII) сделал попытку свести эстетику Маллармэ к шести пунктам. 1. Предметы объективного мира суть только представления. 2. Мысль — это высшая деятельность интеллекта, воспроизводящая единство представлений. 3. Значение чувства в поэзии должно быть заменено интеллектуальным значением. 4. Процесс воспроизведения посредством слова, есть музыкальный процесс. 5. Значение слова не в определенном понятии, а в производимом им внушении. 6. Существует два вида языка: язык обыкновенной человеческой речи и язык искусственный, язык стиля.

Фольклорная п/секция готовила очередной выпуск „Художественного фольклора“ и заслушала ряд докладов: доклад М. К. Азадовского на тему: „Ленский сказитель Аксаментов“ (10/X), представлял собою опыт характеристики личности сказочника не в биографическом плане, а в плане его художественного творчества; объектом анализа послужил тип сказочника — отставного солдата, создающего тип казарменной сказки с характерным снижением сказочной обрядовости.

Подробный отчет о работе экспедиции „По следам Рыбникова и Гельфердинга“, организованной фольклорной п/секцией Г.А.Х.Н., в 1926 и 1927 г. г. и давшей возможность проследить эволюцию русского былевого эпоса за 70 лет был дан в трех докладах (17/X) участников экспедиции: 1. Ю. М. Соколова: „Результаты экспедиции 1926/27 г.“. 2. М. Б. Соколова: „Научная ценность новых записей былин“ и 3. В. А. Дынник: „По северному краю“. П/секцией был заслушан также доклад А. Д. Сидельникова на тему: „Былины о Щелкане“ (24/X). Доклад Н. Н. Захарова-Мэнского на тему: „К вопросу о тематике современной частушки“ (19/XII), охарактеризировал богатейший материал современной частушки как любовной, так и политической. По заслушанию доклада фольклорной п/секцией поднят вопрос об организации коллективной работы по изучению частушки. Доклад саратовского проф. Г. Г. Дингеса на тему: „География немецкой народной песни (20/XII)“ представлял собою обстоятельный этюд по картографированию народной песни, сделанный на материале детских песен поволжских колонистов.

Кроме того, совместно с Научно-показательным отделом Фольклорной п/секцией был организован вечер былин, на котором исполнялись старины северными сказителями Андреевым—Рябининым и Богдановой, при чем исполнению предшествовало вступительное слово Ю. М. Соколова.

За отчетный период Фольклорной п/секцией выпущен второй - третий номера журнала „Художественный фольклор“, и начато собирание материалов для следующего выпуска.

Комиссия художественного перевода заслушала следующие сообщения Е. М. Рыт в докладе: „Передача формы и содержания при переводе“ (27/X) сделал попытку построить нормативную поэтику перевода. Докладчик, стремясь придать переводу задачи культурно-просветительные, предлагал отказаться от передачи формальных элементов подлинника. В прениях было отмечено, что приемы, предлагаемые докладчиком для перевода художественных произведений, могут быть приняты лишь для передачи научных произведений, где сохранение формальных элементов подлинника не всегда обязательно. В заседании с докладами С. В. Шервинского и В. О. Нилендера: „Трахинянки Софокла и их театральное оформление“ (3/XI) был прочитан сделанный докладчиками перевод Софокловых „Трахинянок“ (размерами подлинника). В чтении перевода принимала участие О. Л. Книппер. Доклад Р. О. Шор: „Новый перевод Гейне“ (17/XI) был посвящен разбору стихотворений Гейне в переводе Тынянова. Докладчицей был отмечен ряд недочетов этого перевода, отчасти основанных на неправильном понимании текста подлинника, отчасти же коренящихся в той системе, которая положена была докладчиком в основу его перевода. Достоинство работы (сравнительно с прежними переводами Гейне на русский язык) заключается в передаче формальных сторон подлинника, неразрывно связанных с содержанием стихотворения.

Комиссия живого слова в I полугодии 1927/28 академического года имела 6 заседаний, один художественный вечер (показ с последующим обсуждением исполнения) и одно траурное собрание. Работа комиссии в истекшем полугодии была открыта докладом С. В. Шервинского на тему: „Музыкальные основы произнесения стихов“ (11/X). Докладчик развивал ту мысль, что при исполнении изохронность достигается тем, что положенная в основу стиха ритмическая временная единица должна неизменно присутствовать в слухе декламатора, как исходная норма. К этому обязывает тактовое построение русского классического стиха. Доклад сопровождался исполнением и анализом стихотворений Фета и Лермонтова. Н. Ф. Дератани в докладе: „Воспитание оратора в древнем Риме“ (18/X) подробно остановился на методах воспитания оратора античной древности и провел параллель с современными представлениями о культуре красноречия.

Комиссия уделила одно заседание (1/XI) рецензиям на книги по живому слову: А. М. Пешковский рецензировал брошюру Ф. И. Коган: „Как нужно декламировать стихи“, Ф. И. Коган рецензировала работы О. И. Бернштейна; „Стих и декламация

В сборнике: „Русская речь“, под редакцией Л. В. Щербы, и „Эстетические предпосылки декламации“ в сб. „Поэтика“. Е. Г. Адамова рецензировала статью А. К. Покровской: „Рассказывание в школе“ (журн. „На путях к новой школе“ 1927 г. июль-август).

В закрытых заседаниях комиссии были заслушаны два доклада: в докладе Е. Г. Адамовой: „Этапы развития художника слова“ (15/XI) был обрисован путь работника по живому слову от детского возраста до наших дней и указаны те факторы, которые участвуют в развитии его творческой личности. Второй доклад был посвящен характеристике А. К. Шнейдера, как работника в области живого слова (25/X).

Траурное собрание комиссии (22/XI) было посвящено памяти постоянного сотрудника комиссии проф. Н. Н. Вознесенского, умершего 10/VII истекшего года. Были произнесены речи, характеризующие личность покойного, как активнейшего деятеля по живому слову: А. К. Шнейдер: „Н. Н. Вознесенский и живое слово“, А. С. Поль: „Н. Н. Вознесенский, как товарищ и как слушатель Института слова“, Е. Н. Смирнов: „Организатор-практик в работе по живому слову“ и Д. Н. Егоров: „Слушатель, критик, лектор“. 29/XI состоялся вечер художественного чтения А. Д. Рубинчик, выступившей со своей работой: „Медный всадник“—Пушкина“ для соответствующего обсуждения исполнения комиссией. Исполнению предшествовало вступительное слово Д. Д. Благого, чью трактовку „Медного всадника“ приняла исполнительница в своей работе. 13/XII на заседании комиссии был заслушан доклад С. И. Радциг на тему: „Аэды и рапсоды (очерк из истории эпического сказа в древней Греции)“. Докладчик подробно обрисовал тип аэда, как поэта-певца, автора первоначального эпоса и тип рапсода, т.-е. специалиста-декламатора сложившихся произведений эпического характера.

Комиссия по изучению А. Блока за отчетный период продолжала исследование жизни и творчества А. Блока по плану, ранее намеченному Ассоциацией по изучению творчества А. Блока.

Ряд работ направляется по биографической линии: так на заседании комиссии от 17/XI были зачитаны отрывки из неизданного дневника А. Блока за 1911 г. Во вступительном слове Е. Ф. Книпович указала, что дневник за указанный период представляет особый интерес, поскольку этот год ознаменовался большим творческим подъемом поэта: была написана поэма „Возмездие“ и уже начинали звучать мотивы драмы „Роза и Крест“. Помимо этого в дневнике уделяется Блоком большое внимание вопросам общественной жизни. Членами б. ассоциации: П. А. Журовым, Ю. Г. Перелем и Д. Д. Благим была произведена работа по доставке и предварительному описанию

библиотеки Блока-Бекетовых, находившейся в быв. имении Бекетовых — „Шахматово“. Библиотека эта, содержащая около 100 томов, передана в настоящее время на хранение в библиотеку Г.А.Х.Н. Комиссией были заслушаны сообщения П. А. Жукова и Ю. Г. Переля о доставленной библиотеке (24/XI). В сообщениях указывалось, что Шахматовская библиотека не является основной библиотекой Блока (основная библиотека находится в Ленинграде). Книги, составлявшие эту библиотеку, относятся в большинстве к различным дешевым изданиям, принадлежавшим Бекетовым. Книги Блока или случайно завезенные им в Шахматово, или рецензированные им в имении — заключают ряд любопытных отметок и подчеркиваний А. Блока. Также, любопытны авторские надписи и посвящения А. Блоку на книгах ему подаренных (например, „Огненный ангел“ — В. Брюсова и др.). В настоящем виде Шахматовская библиотека является лишь частью всего книжного собрания, находившегося в имении. Многие книги за последние годы исчезли.

Социологический анализ и задачи историко-литературного изучения творчества А. Блока определили также направление работ комиссии. В осуществление намеченного плана были заслушаны три доклада историко-литературного характера: доклад В. В. Гольцева: „Блок и Брюсов“, основанный на неопубликованных материалах (переписки поэтов и др.) (4/XI). Докладчик отметил, что молодой Блок не избежал общего увлечения Брюсовской поэзией. Повывисившийся после выхода „Urbi et orbi“ интерес Блока к Брюсову, через год заметно пал. После появления „Венка“ Блок, отдавая должное литературным достоинствам Брюсовской поэзии, перестал видеть в Брюсове „мага“ и „пророка“. Отношение же Брюсова к Блоку, долгое время весьма сдержанное, существенно видоизменилось после выхода „Балаганчика“ и „Нечаянной радости“. Вопреки большинству критиков, Брюсовым же было обнаружено и устремление Блока к реализму. Взгляды Брюсова и Блока на природу символизма оказались различными. Во время полемики в „Аполлоне“, Блок говорил о теургическом значении поэзии, Брюсов же утверждал символизм, как литературную школу. По разному оба поэта приняли и великую революцию 1917 г. Доклад Е. Ф. Книповича „Блок и Герцен“ (14/XII), отмечал ряд сходных черт в творчестве Герцена и Блока. Оба они видят крушение христианско-европейского мира и одинаково определяют признаки его близкого конца. Помимо подлинной революционности и в Герцене, и в Блоке говорит ненависть барина к мещанину, дворянской культуры к буржуазной цивилизации. И Блок и Герцен порвали со старым миром в лице буржуазной цивилизации, но они с ним связаны через дворянскую, усадебную культуру. И Блок, и Герцен — люди переходной эпохи, принадлежащие двум мирам. Оба они сознают свою связь со старым миром. От этого со-

знания у Блока возникает идея „Возмездия“, которая проходит и через все творчество Герцена. В противовес ей у Блока и у Герцена возникает идея о метаморфозе человека переходной эпохи (Лициний и Катилина). Сходные черты творчества Блока и Герцена проявляются и в отведении России особой роли в будущей борьбе старого и нового миров, и в трактовке темы народа и интеллигенции. В целом — образ Герцена, созданный Блоком, — не каноничен. Под влиянием этого Герцена, написаны статьи Блока 1918 — 1920 г. г. Доклад Н. Г. Булычева: „Блок и Ибсен“ (8/XII) выдвигал утверждение, что в истории судеб русского символизма Ибсен — один из главных его вождей и спутников. Играет большую роль Ибсен и в творческой судьбе Блока. От 1905 — 1906 г. до конца своих творческих дней обращается Блок к Ибсену. Все же влияние Ибсена на Блока, как писателя, не широко, он охватывает небольшую сторону его творчества, но эта сторона значительна и глубока у Блока. Тема „Возмездия“ — тема, идущая от Ибсена. Влияние Ибсена на Блока не ограничивалось только творческой областью — Ибсен был для Блока „учителем жизни“, спутником, который оставался для поэта всегда нужным и желанным. В прениях по докладу указывалось, что докладчик, отмечая моменты влияния Ибсена на Блока, не учел преодоления Блоком Ибсена, связанного с приближением поэта к Стринбергу.

Комиссия Достоевского в течение октября-декабря 1927 г. заслушала пять докладов. Б. П. Козьмин в докладе: „Достоевский и молодая Россия (19/X) старался доказать, на основании некоторых архивных документов, что статья: „О пожарах“, запрещенная цензурой в журнале „Время“ в мае месяце 1862 года, была написана Ф. М. Достоевским. Это мнение В. С. Нечаева находила недостаточно обоснованным, полагая, что с неменьшей убедительностью можно доказать, что автором статьи является М. М. Достоевский или например, Страхов. Н. Ф. Бельчиков сделал 19/X сообщение на тему, „Как писал романы Достоевский“. Докладчик поделился своими наблюдениями над рукописными черновиками романов Достоевского и огласил неизданный отрывок из повести „Неточка Незванова“. 11/XI, в день рождения Достоевского, в помещении больницы его имени, состоялось соединенное заседание Комиссии Достоевского при Литературной секции Г.А.Х.Н. и Комиссии по организации музея Достоевского в помещении квартиры, где родился писатель. Председатель комиссии Достоевского, Г. И. Чулков познакомил присутствующих с историей вопроса о создании мемориального музея Достоевского. Приветствовали собрание главврач больницы М. А. Гольдберг и представитель губмузея при МОНО Н. С. Елагин. Проф. П. Н. Сакулин произнес приветственную речь от лица Общества любителей российской словесности и от Литературной секции Г.А.Х.Н. На заседа-

нии выступили также Ф. Ф. Бережков, проф. Голеницкий, представители месткома больницы, представитель врачебного персонала, коммунистическая ячейка и др. Вторая часть заседания была посвящена докладу В. С. Нечаевой: „Быт семьи штаб-лекаря Достоевского“ (по неизданным материалам). 29/XII состоялся доклад Ф. Ф. Бережкова на тему „Петербург“ в романе „Преступление и наказание“. Докладчик представил результаты своей специальной литературной экскурсии по Петербургу с целью выяснения топографии романа — „Петербург — Раскольников“ и „Петербург — Свидригайлова“. Фактическое сообщение докладчик заключил выяснением проблемы индивидуально - точного и типически - приблизительного в отыскании отдельных пунктов действия романов. В прениях участвовали: И. К. Линдеман, А. К. Горский-Горностаев, А. С. Долинин и Г. И. Чулков. В том же заседании был заслушан доклад В. С. Нечаевой „Петербург в сознании молодого Достоевского“.

Секция пространственных искусств

П/секция современного искусства за период октябрь - декабрь 1927/28 академического года имела 9 научных заседаний, из которых шесть были посвящены докладам и три заседания — анкетной работе, проводимой п/секцией. 24/IX был заслушан доклад Б. Н. Терновца: „Творчество де-Кирико“. Автор считает творчество де-Кирико одним из факторов, воздействовавших на развитие современного европейского искусства, отмечает влияние де-Кирико на итальянский неоклассицизм, на немецкую „Новую вещественность“ и на сюрреализм во Франции. Романтизм и рационализм являются характерными чертами де-Кирико; борьба этих двух начал приводит к своеобразным сочетаниям; искусство де-Кирико проходит стадии развития, которые можно окрестить, как сентиментально-пространственный период, период метафизический, романтический неоклассицизм и конструктивно-монументальный стиль. Б. Н. Терновец дает формально-художественную характеристику де-Кирико, разбирая трактовку пространственной проблемы художником, его композицию, цвет, фактуру и отношение к проблемам пейзажа, портрета и натюрморта. 27/IX Н. В. Яворской был прочитан доклад: „Пабло Пикассо“. Основной задачей докладчика являлось построение на редкость сложной и изменчивой эволюции художника, недостаточно до сих пор выявленного в литературе, несмотря на обилие книг, выпущенных о Пикассо. Докладчику удастся наметить до 12 четких переходных моментов в эволюции мастера от „голубого периода“ ранней юности до „орнаментального кубизма“ последних лет. Н. В. Яворская указывает на наличие экспрессионистических и рационалистических моментов в творчестве Пикассо и отмечает конструктивно-пластический характер его произведений, которым и определяются проблемы пространства, композиции, цвета и линии. В заключение докладчик освещает значение Пикассо в современном искусстве и его влияние на ряд течений XX века — кубизм, футуризм, конструктивизм, неоклассицизм. Доклад А. М. Эфроса 1 XII: „Искусство в Париже сегодняшнего дня“ был посвящен характеристике Парижа, как центра мирового искусства. Докладчик обрисовал общественную атмосферу вокруг искусства, выдвинул наличие интернациональных моментов в „Парижской школе“ и воздействие, ими ока-

занное на французское искусство. Он остановился на кризисе, переживаемом французской школой, на возрождении романтики и дал беглую характеристику главнейших течений в живописи и скульптуре. В заключение А. М. Эфрос охарактеризовал различные группировки среди русских художников, работающих в Париже. Проблеме современного американского искусства был посвящен доклад Луи Лозовика (6/XII): „Современная американская живопись“. Луи Лозовик — художник, принадлежащий к левым группировкам Америки, и вместе с тем теоретик и писатель, познакомил с состоянием современной живописи в Америке; в течение всего XIX века она находилась под влиянием академического искусства Европы: интерес к новым течениям проявляется лишь в XX веке, особенно с 1913 г., когда в Нью-Йорке была организована большая интернациональная выставка левых течений в искусстве (кубизм, футуризм и т. д.). В настоящее время в Америке устраиваются постоянно выставки современных европейских художников, основаны специальные музеи, напр., Барнеса (существует с 1916 г.). „Общество независимых художников“ (по образцу французского). Определенных сильных художественных течений в современном американском искусстве не наблюдается: большинство явлений может быть сведено к европейским образцам. Возможно отметить тенденции к романтизму, на ряду с существованием конструктивистических течений. Большой интерес вызвал доклад А. В. Бакушинского, посвященный „Современному русскому рисунку“ (8 XII). Наметив основные вехи в эволюции рисунка и выставив свою концепцию связи художественной эволюции с социологической основой, докладчик перешел к характеристикам состояния современного русского рисунка в Третьяковской галлерее. Результатам устроенной Г.А.Х.Н. к десятилетию Октябрьской революции Выставки национальностей был посвящен доклад Д. М. Арановича (22/XII): „Искусство национальностей“. Докладчик исходит из того факта, что распадение бывшей империи пробудило мощные тенденции к национальному самоопределению и благотворно отразилось на росте творческих возможностей народов СССР. Он ставит далее проблему „самобытность“ в искусстве, разбирает, как воздействующие факторы, силу национальной традиции и влияние культурных центров. Переходя к анализу искусства Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Д. М. Аранович останавливается как на искусстве „народов“, так и на искусстве „интеллигентском“, выдвигая наиболее жизнеспособные и характерные для данной национальности явления.

Вместе с тем, п/секция современного искусства продолжала свою, так называемую, — „анкетную“ работу, по обследованию современных русских художников; в этом плане на заседаниях 13/X, были заслушаны и обсуждены анкеты Л. В. Розенталя

о художнике Туржанском, К. С. Кравченко о Н. Н. Купреянове, и М. Н. Райхенштейн о В. Н. Домогацком.

Основной задачей П/с е к ц и и т е о р и и было поставлено изучение проблемы натюрморта. Из намеченных докладов были прочитаны: „Два типа натюрмортного мировоззрения“ и „Натюрморт у импрессионистов“. Кроме того, в плане занятий п/с. было обсуждение и более широких тем. Работа велась в двух разрезах: постановки новых проблем и теории искусства (эксцентрическое пространство и гиперпространство в живописи) и постановка проблем, связанных с современным искусствознанием.

В п/секции состоялись следующие заседания с докладами: 19/IX—Д. С. Недович: „Диалог об искусстве“. Заседание было организовано совместно с П/с. декоративного искусства (см. отчет п/с.).

26/X был зачитан доклад М. И. Фабрикант: „Два типа натюрмортного мировоззрения“. Докладчик противопоставляет натюрморт голландский фламандскому, как два мировоззрения в области натюрморта. Декоративный натюрморт Снейдерса ближе итальянцам, тогда как бесконечное пространство в натюрмортах Кальфа сближает последнего с Рембрандтом. 2/XI Н. М. Тарабукин прочел: „Эксцентрическое пространство и гиперпространство в живописи“. Эксцентрическое пространство, характерное для восточного искусства, определяется иным принципом построения. В противоположность перспективному пространству, типичному для западного искусства, эксцентрическое пространство строится по радиусам во все стороны, оно центробежно и интенсивно; гиперпространство (пространство четырех измерений) выдвигается в современном искусстве в живописи футуристов и кубистов. 23/XI состоялось заседание с докладом Д. С. Недович: „Трагикомедия художественной критики“, совместно с Комиссией художественного восприятия Физико-псих. отделения. Задачи критики—истолкование искусства, оценка его классификации и воспитание вкуса публики. Докладчик остановился на некоторых особенностях современной критики. 7/XII прочел доклад Н. М. Тарабукин: „Натюрморт у импрессионистов“. Докладчик рассматривает натюрморт, как категорию стиля и обнаруживает отсутствие натюрморта у импрессионистов. Натюрморт зарождается, как антитеза в идеологических недрах импрессионизма, получает свое развитие у пост-импрессионистов и становится доминирующим мироощущением искусства начала XX в.

В группе по изучению живописности при П/с. теории состоялся доклад 21/XII Н. М. Тарабукина: „Живописность в современном искусстве“. Заседание было организовано совместно с Научно-показательной частью. Докладчик определяет живописность, как проблему, где цвет является выражением света

качественное различие цвета докладчик сводит к понятию вальёра. На время доклада была развернута выставка работ современных русских художников, которая иллюстрировала основные положения докладчика.

В Терминологической комиссии секции производилась работа по распределению между п/секциями, комиссиями и отдельными авторами терминов II полутома (Н-Ю) Терминологического словаря, помимо того, состоялось 3 заседания, на которых были заслушаны и подвергнуты обсуждению следующие термины: Т. М. Пахомовой—„модернизм“, „декадентство“; Д. С. Недовича—„натурализм“, „образ“, „сюжет“; В. М. Невежиной—„коллекционер“; А. И. Некрасов—„Русское искусство“; М. И. Фабрикант—„жест в изобразительном искусстве“; Д. С. Недович—„романтизм“.

Первым из докладов П/секции эволюции художественной формы был заслушан доклад А. И. Некрасова „Из области московской архитектуры XVI в.“ (25/X). Докладчик показал, что зодчество итальянцев оказало воздействие на московскую архитектуру, однако не в направлении Ренессанса. В XIV—XV в.в. существовали храмы с 3 главами в центре и на боковых абсидах. Трехглавые храмы на одном массиве являются результатом изменения московской архитектуры XIV—XV в.в. под влиянием итальянцев.

22/XI состоялся доклад Н. Б. Юргенсон: „О демонгольском орнаменте“. Докладчик рассмотрел орнаментацию древне-русских браслетов домонгольской эпохи, доказав преобладающую роль Персидско-Месопотамского художественного круга в генезисе орнамента и значительную роль Средней Азии, как посредника и проводника влияний этих стран на Русь.

6/XII был прочитан доклад Н. С. Большакова: „К эволюции живописного стиля русской иконы XVII в., в котором докладчик охарактеризовал русскую икону 2-й половины XVII в., как приближающуюся к реализму и становящуюся более „земной“, а также вместе с тем склонной к орнаментальной роскоши и заменяющей колорит и живописный мазок графикой.

Работа Графической комиссии была развернута в истекшем полугодии по двум основным направлениям: 1) изучение старой русской ксилографии, как продолжение темы: „Ксилография в России“ и 2) изучение современной графики. Первым докладом по первой теме был заслушан 12/X доклад В. Я. Адарюкова: „Журнал „Пчела“ и „Варшавская Политпажня“. Докладчик, дав общую характеристику иллюстрированных периодических изданий в России во второй половине XIX в., подробно останавливается на возникновении „Пчелы“, ее программе и месте, занимаемом среди иллюстрированных журналов, на работе граверов, принимавших участие в журнале (начало работы Матэ и ученики Серякова). Докладчик описы-

вает возникновение, Варшавской Политипажни, под управлением Пуца, общий характер ее работ и значение ее в истории русской гравюры на дереве. Доклад сопровождался интересными демонстрациями.

30/XI состоялся доклад А. И. Некрасова: „Русская ксилография XVII в.“. Доклад, построенный на подробной и всеобъемлющей разработке как книжного материала с гравюрами на дереве, так и отдельных ксилографий, предлагает новую классификацию ксилографических школ этой эпохи; говорит о многих весьма ценных мастерах и отдельных произведениях, нигде ранее не упомянутых и не описанных, устанавливает переоценку взглядов на некоторых мастеров, как например, на мастера Илью. Доклад дал исчерпывающее представление о русской деревянной гравюре в XVII веке. Изучению современной графики были посвящены доклады: 26/X—К. С. Кравченко: „Отделение производственной графики на Всесоюзной Полиграфической выставке“ и М. И. Щелкунова: „Всесоюзная Полиграфическая выставка“. К. С. Кравченко выдвинула в своем докладе общие положения о значении роли художника-графика в современном полиграфическом производстве, когда законодателями книги сделались: художник-график и рабочий полиграфист, о роли в современности искусства книги среди всех других искусств и об основных принципах экспозиции Отделения производственной графики. Докладчик подробно остановился на характеристике каждого отдела: рисунка, ксилографии, офорта, литографии, книги. М. И. Щелкунов посвятил свой доклад критике организации Всесоюзной полиграфической выставки.

17/XI (совместно с Секцией современного искусства был заслушан доклад К. С. Кравченко: „Графика Купреянова“. Доклад был построен в плане монографического исследования с подробными биографическими сведениями о художнике и с характеристикой его творчества, как гравера, литографа и рисовальщика. Доклад сопровождался демонстрацией неизвестных работ мастера.

8/XII состоялся доклад А. А. Сидорова: „Забытый график“. Докладчик говорил о неизвестном рано умершем графике Власове, связанным по стилю своих работ с графиками „Весов“ и „Золотого Руна“. Он отметил высокую техничность и необычную для перовой графики монументальность его работ. Доклад иллюстрировался многочисленными рисунками художника.

27/XII был прочитан доклад К. С. Кравченко (в связи с открытием выставки): „Рисунки Д. И. Митрохина“. Докладчик ставил своей задачей общую характеристику Митрохина, как рисовальщика, устанавливая тематическое деление его рисунков на жанровые, пейзажные и т. д. и останавливался на

детальном анализе каждой группы. На выставке было экспонировано 110 рисунков художника. Выставка, организованная Графической комиссией, вызвала большой интерес, как показывающая до сих пор неизвестную область работ Митрохина — рисунки.

В Кабинете СПИ, утвержденном Ученым Советом Г. А. Х. Н. 2/XII-1927 г., 9/XII-1927 г. было устроено организационное собрание, созванное председателем К-та СПИ В. Н. Домогацким, на котором было зачитано Положение о кабинете и заслушаны сметы руководителей отдельных групп кабинета. Была намечена в общих чертах работа кабинета с выявлением ее форм по каждой отдельной группе ее руководителем (см. соответствующий протокол). Кроме того, до 9/XII-1927 г. было устроено несколько совместных совещаний председателя кабинета с руководителями отдельных групп.

До января с.г. состоялись следующие заседания в группах кабинета: 1. По группе древне-русского искусства, руководимой М. В. Алпатовым и Н. И. Бруновым, состоялось 10 заседаний, посвященных выработке типа научного описания памятника, на которых были сделаны сообщения: Алпатова, Брунова, Габричевского, Жинкина, Циреса, Волкова, Жидкова. 2. По Группе архитектуры, возглавляемой И. В. Рылским, 15/XII имело место заседание с докладом Н. И. Брунова: „О некоторых общих проблемах изучения искусства Ислама“. 28/XII состоялся доклад С. А. Торопова: „Архитектурный ансамбль подмосковных“. 3. По группе музейной, возглавляемой А. И. Анисимовым, 9/XII состоялся доклад на тему: „Художник Бронников и его музей в городе Щадринске“, прочитанный Здобновым. Докладчик изложил биографию художника Бронникова и историю коллекции картин этого художника, завещанной последним городу Щадринску (хранение картин в Щадринске, выставки, организация галлерей). В прениях было отмечено, что Бронников, несправедливо забытый, тесно связанный с Россией художник и что необходимо поддержать Щадринскую галлерею. Собранием была принята по этому поводу следующая резолюция:

(Постановление заседания Музейной группы кабинета от 9/XII-1927 г.)

1. Усматривая из доклада, что Щадринский музей в его художественной части возник органически из дара художника А. Бронникова, состоящего в его рисунке, эскизов и картин, и продолжает развиваться, пропуская ежегодно большое количество посетителей (последний год 70.000), признать желательным дальнейшее пополнение Щадринской галлерей картинами русской иконы и поддержать ходатайство Щадринского музея в этом направлении перед Музейным отделом Главнауки.

2. Просить докладчика зафиксировать в письменной форме его доклад и передать его в рукописи в музейный архив Исторического музея.

3. Просить докладчика представить свой дневник музейному архиву Исторического музея.

4. Заслушав выдержку из Щадринской газеты, предлагающую убрать с экспозиции картины художника Бронникова, как отражающие быт, далекий от современности и характеризующийся иными социальными чертами, указать Щадринскому УОНО, что произведения кисти Ф. А. Бронникова независимо от своего содержания представляют большую художественную, культурную и педагогическую ценность, как картины выдающегося живописца, обладавшего умением создать большие композиции и мастера рисунка и колорита.

Театральная секция

Театральная секция приступила к академическим занятиям в конце сентября с тем же составом действительных членов и штатных научных сотрудников, что и в прошлом году. Она попрежнему делилась на 3 подсекции: Историческую, Теоретическую и Психологии сценического творчества. В ее состав также входили комиссии: по изучению зрителя и революционного театра. Ряд работ секции велись в групповом порядке. При Исторической п/секции была группа по изучению „Горя от ума“, при Теоретической — режиссерская группа, группа современного театра. При П/с. сценического творчества должна была работать группа автора (в отчетный период не функционировавшая, вследствие болезни ее руководителя И. А. Новикова). Кроме того, в секции были образованы Группы по изучению западно-европейского театра и по изучению оперного театра.

Десятилетие Октябрьской революции явилось существенным фактором, определившим деятельность секции за отчетный период. К юбилейным дням секцией был подготовлен сборник „Театры Москвы 1917—1927“ и устроено 3 пленарных заседания, посвященных октябрьским докладам: А. И. Могилевский прочитал (6/XI) доклад: „Статистический обзор жизни московских театров за 10 лет“, В. А. Филиппов (27/X) „Советское театральное законодательство“. Юбилейные (октябрьские) постановки московских театров нашли также свое отражение в деятельности секции. 15/XII в большом зале Г.А.Х.Н. было устроено специальное собеседование (пленум секции) со вступительным докладом Н. Д. Волкова. В собеседовании приняли участие: П. А. Марков, В. П. Полонский, П. С. Коган, В. Г. Сахновский и В. А. Филиппов. Стенограмма собеседования будет напечатана в ближайшей книге „Искусства“.

К мероприятиям по ознаменованию десятилетия октября нужно отнести и подготовку большой театральной выставки — „Московские театры октябрьского десятилетия“. Эта выставка устраивается секцией совместно с Государственным театральным музеем имени Алексея Бахрушина. Оба учреждения образовали специальный выставочный комитет под председательством А. А. Бахрушина и этот комитет выработал точный план выставки, приступил к собиранию материалов. Само открытие выставки намечено на март 1928 года.

Организация выставки вошла в план работ исторической п/секции, которая и посвятила ее организации 4 больших заседания. Остальная работа исторической п/с. и ее Грибоедовской группы шла в направлении изучения прошлого русского театра. В докладе (29/X) Н. П. Кашина: „Театр в селе Архангельском“ были сообщены новые данные о постройке и плане театра. Этот доклад явился дополнением к прошлогодним работам п/секции по изучению крепостного театра. Книга О. Э. Чаяновой: „Театр Медокса“ подверглась п/с. научному разбору. Книгу рецензировал — В. Г. Сахновский. Им же был сделан (26/XI) в п/секции доклад: „Театральные скитальчества“, явившийся оглашением отдельных частей его неопубликованной книги. Грибоедовская группа, руководимая Н. Л. Бродским, наметила подробный план изучения „Горя от ума“ и посвятила одно заседание (12/XI) первому из намеченных докладов по текстологии комедии: И. К. Линдемана — „Текст, Горе от ума“.

Теоретическая п/секция вела научную работу в трех направлениях: во-первых, п/с. стремилась на конкретном материале театрального искусства выяснить спецификацию того искусства и, затем, определить, что составляет элементы театрального искусства и, наконец, показать, как определенные комплексы в сценическом исполнении и в режиссерской работе являются результатами взаимодействия точно определенных компонентов. Считая, что в исследовании всех этих вопросов п/секция не может вести работу изолированно от Философского отделения и Психо-физической лаборатории, п/с. вступила на путь совместных заседаний. Совместно с философским отделением был заслушан (29/XI и 6/XII) доклад П. М. Якобсона: „Что такое театр“, занявший вместе с прениями два заседания, а совместно с Психо-физической лабораторией был устроен (17/X) доклад С. Н. Беляевой-Экземплярской: „Запись сценической игры“ (два заседания). Содержанием был вопрос о возможности исследовать предмет театра естественно-научными методами“. В результате доклада п/секция совместно с лабораторией решила произвести пробную запись сценической игры. Выяснению основных проблем театрального искусства был посвящен доклад (29/XI) В. Г. Сахновского: „Компоненты спектакля“.

В этом году п/секции удалось привлечь к участию в своих работах и ряд московских режиссеров. Они участвовали в обсуждении доклада Беляевой, а также в работах специальной режиссерской группы. Целью работ этой группы было установление способа описания режиссерского творчества и метод фиксации режиссерского экземпляра. Доклад (17/XI) В. Д. Королева: „Запись режиссерского оформления спектакля „Барометр показывает бурю“, был первым из намеченных докладов, посвященных этой теме.

Вторая Группа современного театра работала над подготовкой книги: „Стиль Московского Художественного театра“, намеченной к выходу в связи с 30-летним юбилеем театра. Возможность опереться на материал архива и музея Художественного театра, а также на материалы и живые свидетельства самих артистов и режиссеров театра, позволила разбить книгу на следующие вопросы: 1) репертуар, 2) режиссура, 3) актерская система, 4) анализ игры, 5) вопросы внешнего оформления, 6) зрители. В качестве редактора книги, секция утвердила П. А. Маркова. К работам группы должно быть отнесено и собеседование, посвященное октябрьским постановкам.

П/секция психологии сценического творчества за отчетный период занималась собиранием тех материалов, без которых невозможно дальнейшее продвижение в данной области театроведения. Одна из сотрудниц п/с. В. П. Дитиненко производила записи еженедельных ее бесед с М. А. Чеховым по вопросам его сценического творчества. Л. Я. Гуревич изучала современные немецкие теории актерского творчества (Петерсена, Меллера и Флеминга). Материал этих исследований будет служить предметом доклада во второй половине академического года. Сотрудники п/с. вели заполнение анкет по вопросам режиссерского творчества (заполнено 8 анкет) и по вопросам актерского творчества — (2 анкеты). П/с. также занималась составлением библиографии трудов по теории психологии актерского творчества, трудов, посвященных биографиям и характеристикам разных актеров, а также мемуаров, писем и т. п., заключающих в себе материал по вопросам актерского и режиссерского творчества. Учтено всего около 850 названий русских и иностранных статей и книг. Также приступлено к извлечению из печатных трудов вышеуказанного типа нужных материалов и, таким образом, начата работа по созданию особой картотеки.

Комиссия по изучению зрителя провела обследование постановки „Власть“ в театре Пролеткульта, на что, после обсуждения вопроса о партитуре описания, затрачено было 8 посещений театра, несколько заседаний для подготовки описания спектакля по материалам анкеты, трижды проведенной среди зрителей разных категорий трудящихся и по записям реакций зрителя, записанных группой исследователей. Результаты означенной работы помимо доклада дадут ряд диаграмм. Кроме того, комиссия принимала участие в ОДСК по организации изучения массового кино-зрителя в городе и деревне.

Комиссия революционного театра в отчетном квартале сделала опыт учета массовых праздников в дни октябрьского десятилетия. Вследствие организационных затруд-

нений, объем работы был сужен до пределов Хамовнического района с тем, чтобы впоследствии дополнить полученные данные документальными материалами из других районов. В результате были осуществлены следующие работы: 1) произведена запись и хронометраж движения колонн Хамовнического района и сделаны фото-снимки наиболее характерных моментов; 2) произведена запись реакций зрительного зала октябрьских постановок; 3) собрана коллекция плакатов, выпущенных к октябрьским дням; 4) собраны по всем районам Москвы об организации и осуществлении праздничных дней; 3) разослана анкета во все предприятия Хамовнического района, участвовавших в шествии (часть ответов уже получена), и т. д. Все собранные и полученные материалы будут соответственным образом обработаны, а затем поступят в состав организуемого кабинета. Всеми этими работами руководили: А. М. Родионов и П. М. Якобсон. Опыт учета массового празднества является первым шагом к организации такого учета в будущем и комиссия полагает, что создавшиеся у нее связи с районами помогут ей провести следующую запись (1-е мая) уже в гораздо более крупном масштабе.

Новыми группами секции явились группы по изучению западно-европейского театра и оперного театра. Группа западно-европейского театра, организованная в ноябре 1927 г. и руководимая С. С. Игнатовым и Л. Я. Гуревич, провела следующие работы: было заслушано 3 доклада — И. К. Артемьева (15/XI) („Общество итальянского Возрождения и его зрелища“), С. С. Игнатова (29/XI): „Начало испанского театра“ и Л. Я. Гуревич (13/XI): „Комедии-балеты Мольера“. И. К. Артемьев провел два заседания, на которых ознакомил временных сотрудников с материалами по истории итальянского театра средних веков и возрождения. Кроме того, под руководством Л. Я. Гуревич была выполнена работа по составлению библиографии по истории театра в количестве 1100 карточек.

Группа изучения оперного театра, руководимая В. В. Яковлевым, наметила следующие темы для разработки: 1. Режиссерский вопрос в опере. 2. Театральная музыка. 3. Оперный актер. 4. Опера и ее судьбы. 5. Опера и быт. 6. Проблемы оперного либретто. В осуществление этого плана был прочитан (15/XI) доклад В. М. Беляевым: „Режиссерский вопрос в опере“, где были установлены основные принципы, какие должны быть руководящими для практической режиссерской работы. Основная мысль докладчика — зависимость режиссера от оперной партитуры, которая и определяет его постановку гораздо более строго, чем драматический текст.

Память скончавшегося члена-корреспондента Академии А. И. Южина была почтена секцией устройством траурного

заседания совместно с Обществом любителей российской словесности. Это заседание состоялось 14/XI в здании университета. От секции докладчиками выступили: Н. Л. Бродский и В. А. Филиппов. В исполнительной части заседания приняли участие артисты Московского Малого театра.

Секцией была также предоставлена возможность одному из коллективов Москвы, руководимому режиссером Н. Н. Вашкевичем, выступить в Академии с демонстрацией своих работ (сценические карикатуры).

Музыкальная секция

Музыкальная секция начала академический 1927/28 год обсуждением вопроса о новой структуре секции в связи с общим планом работы Академии. Этому вопросу были посвящены два заседания пленума — 6/X и 13/X. На заседании пленума 3/XI был заслушан доклад Е. М. Браудо: „Музыкальная наука и музыкальное искусство в Германии“ (по личным впечатлениям). Докладчик сообщил о своей поездке летом 1927 года в Германии и, в частности, о посещении им выставки „Музыка в жизни народов“, во Франкфурте на-Майне. Заседание пленума 1/XII было посвящено докладу Б. П. Юргенсона: „Об охране исполнения“. Докладчик базировался на докладе на эту же тему немецкого композитора и капельмейстера Пфизгера, прочитанного этим последним в Крефельде на с'езде „Всеобщего германского союза музыкантов“. На заседании пленума 8/XII состоялся обмен мнений по затронутому Б. П. Юргенсоном вопросу и вынесено пожелание, чтобы произведения музыкальные и музыкально-драматические охранялись законом от сознательного их искажения при исполнении, хотя бы срок авторского права на эти произведения уже истек.

На заседании президиума секции 10/XI, в целях сближения ее работы с Социологическим отделением, был выдвинут ряд тем для докладов на совместных заседаниях отделения и секций, а именно: 1. Проблема музыкальной формы. 2. Современное музыкальное творчество и социологические основы. 3. Музыкальная эстетика и социальная среда. 4. Метрико-тектонические доказательства статичности музыкальной формы. 5. Из истории музыкального образования: итальянские консерватории XVIII века. 6. „Итальянские письма“ Дебросса и „Журнал“ Бернея. 7. Социологическое обоснование к оформлению лада.

Согласно намеченному плану, основной работой п/секции теории музыки было знакомство с трудом Э. К. Розенова: „Научное обоснование учения о гармонии“ и обсуждение принципов, положенных в его основу. Автором были прочитаны в форме докладов введение и четыре главы из названного труда: 1) 20/X — Введение; 2) 27/X — Анализ натурального звуко-ряда; 3) 17/XI — Об относительном благозвучии интервалов; 4) 24/XI — Основы ладового построения и 5) 15/XII — Гармонический лад и основы тонального тяготения. Докладчик строит

все свои положения на том принципе, что у всех народов и во все времена музыкальное искусство было основано на почве осознания натуральной гармонии. Темперированный строй нельзя считать самостоятельной системой, он опирается на гармоническое осознание и был введен как практически удобный для приблизительного выполнения его требований. Школьная теория музыки несколько уклонилась от гармонического принципа, пользуясь для слуховых восприятий темперированным строем. Теория эта установила одинаковую номенклатуру и одинаковое нотообозначение для различных по существу гармонических представлений. Установление гармонического лада могло бы исправить ошибки, вкравшиеся в учение о гармонии и вновь поставить это учение на правильный путь.

22/XII был заслушан доклад Н. С. Шермана: „Творческие процессы музыкального исполнения“. Цель автора — изучение музыкального исполнения, как одной из форм творческой деятельности человека. Процессы музыкального исполнения протекают в двух, резко отличных друг от друга периодах. В первом периоде, подготовительном, протекают процессы ознакомления с произведением и выработки рефлекторного действия. Вторым периодом является исполнение произведения перед слушателем (период творческого акта исполнения). Изучение музыкального исполнения заключается в исследовании живого творческого процесса на основе достижений наук, занимающихся психической и физиологической деятельностью человека.

Работа группы по музыкальной эстетике происходила, главным образом, в плане разработки третьего эстетического принципа — принципа эмоциональности. В общей форме анализ производился в области звукодлительности и перешел в область ритмических форм. 26/XI Е. А. Мальцева сделала доклад на тему: „Ритмическое оформление у Баха, как средство музыкального выражения“. В дополнение к этому был произведен Э. К. Розеновым анализ с ритмической стороны Библейской сонаты (№ 1) Иоганна Куна и 18 духовных кантат Баха. 12/XI С. С. Скребков прочитал доклад: „О формах разнообразия при разработке мотивов в 1-й фортепианной сонате Прокофьева“ — на основе исследований прошлого года по второму эстетическому принципу — принципу разнообразия.

Группа метротектонического анализа продолжала работу по анализу симфоний Бетховена. Проанализированы: Финал 1-й симфонии и Первая и вторая части 2-й симфонии.

Работа п/секции истории музыки направлялась по следующим основным темам: 1. Музыка Италии XVII—XVIII в. 2. История музыкальной теории. 3. История вокальной литературы. 4. Эволюция музыкального стиля. Конкретно работа

на эти темы выразилась в следующем: 1-ая тема — доклады К. А. Кузнецова: 1-ый 21/XI „Монография Цуккера об эволюции театрално-декоративного искусства, как источник по истории оперы“. Докладчик утверждает, что этапы развития и стилевые сдвиги декоративного искусства вполне соответствовали развитию оперной музыки. Декорация барокко, направленная на „главную точку схода“, статична и монументальна, как грандиозные фуги Баха и Генделя. Декоратор Фердинандо нарушил статичность декорации, установив косвенный срез, уничтоживший таким образом грань между сценой и зрителем, и вот вместо статичной фуги появляется динамическая соната, возникшая из драматической, действенной арии Да Саро. Развитие сонаты довершила уже инструментальная музыка. 2-ой 12/XII „Интимные письма“ Лебрасса и „Журнал Бернея“. Из данных, имеющихся в письмах президента Лионской палаты Лебрасса (1739—40), выясняется огромное значение оперы в Италии того времени, в частности роль ее, как собирательного центра для взаимного общения: в оперных зданиях помещаются как клубы, так и академии, где собираются для философских и литературных диспутов. Берней подчеркивает уличную роль музыки в Италии: на каждом шагу уличные певцы и музыканты, которые также на улице продают свои „канцоны“. Подготовлен доклад: „Алессандро и Доменико Скарлатти“ (из цикла лекций-концертов „История фортепианной музыки“) для выступления с Научно-показательной частью Г.А.Х.Н. В связи с докладом подготовлены музыкальные иллюстрации Б. Л. Жилинского. 2-ая тема М. И. Медведевой: „Антон Рейха—опыт изучения его теоретических работ“ (Бетховенская эпоха). Докладчица констатирует в теоретических трудах Рейха широкий охват музыкально-теоретических вопросов и стремление объединить их в одну науку о музыке. В его трудах непрерывное искание нового, устремление взора вперед (такова, напр., его „политональность“); в то же время он эстетически верен старой школе: идеал его Гайдн. 3-я тема—К. А. Кузнецовым: 1) подготовлен доклад и музыкальные иллюстрации на тему: „Французская песня в XIX и XX в. в. и 2) просмотрены для Шубертовского сборника около 600 его песен и сделана соответственная выборка. 4-я тема — два доклада (24/X и 21/XI) Э. К. Розенова: 1-ый—„Греческая музыка“. В первом докладе докладчик характеризует последовательные этапы развития греческой музыки, во втором — наглядно излагает тональную систему древне-греческой музыки, по его словам, главным образом, исследованную Вестфалем и несколько упрощенную Рейнахом. 2-ой — Работа К. А. Кузнецова по составлению „Схемы по периодизации и методам изучения западно-европейской истории музыки“— по данным новейшей литературы.

В группе по изучению истории русской музыки были прочитаны доклады: В. М. Беляевым (17/X): „Английский оперный антрепренер в России в XVIII в.“— по поводу книги О. Э. Чайновой о театре Медокса; П. А. Ламм (24/X): „Автограф вокальных произведений Мусоргского в Ленинграде“; А. А. Оленина (31/X): „Страницы из автобиографии“ (воспоминания о М. А. Балакиреве). В докладе А. А. Оленина была сделана характеристика Балакирева как человека и как артиста, а также его взаимоотношений с членами „Могучей кучки“; З. Ф. Савеловой (17/XI): „Мусоргский и его друзья“; Два доклада В. М. Беляева (21/XI и 5/XII) были посвящены: „Борису Годунову“ Мусоргского. Первый доклад является опытом исследования мелоса Мусоргского, разбора тем в опере и выяснения его подхода к тексту. Второй доклад—исследование гармонического языка Мусоргского и особенности общих его композиторских приемов. 28/XI был заслушан доклад В. В. Яковлева: „Мусоргский в воспоминаниях и наблюдениях современников“. Собранные докладчиком материалы характеризуют личность („жизненный образ“) Мусоргского. Некоторые из них сообщены впервые. Комментарии этих материалов дают широкое освещение взаимоотношениям композитора с деятелями его времени в частном и музыкально-общественном быту.

В секции музыкальной психологии членами ее велись следующие работы: 1. С. Н. Беляева-Экземплярская закончила экспериментальное исследование о мелодическом движении (подготавливается к печати). 2. Б. Л. Яворский занимался музыкально-теоретическим исследованием принципов конструкции мелодии. Это исследование является необходимым теоретическим дополнением к работе С. Н. Беляевой-Экземплярской. 3. Э. К. Розенов разработал план по исследованию ритма и начал 1-ю серию экспериментов по исследованию объема восприятия ритмического и метрического единства. 4. М. И. Медведева разработала более расширенный и детальный план по исследованию восприятия музыкальной симметрии детьми. 5. Е. А. Мальцева продолжала исследование цветного слуха. 6. Аспирантка Л. В. Благонадежина закончила 2-ю серию своей работы о музыкальном узнавании. (Работа подготавливается к печати) 7. Аспирантка Т. И. Карповцева вела работу по изучению ритмического оформления интервалов.

В Группе по исследованию лада продолжалась работа Б. Л. Яворского и С. Н. Беляевой-Экземплярской по психологии восприятия лада. С. В. Протопопов разработал план исследования народной песни с точки зрения ладового тяготения и вел работу в этом направлении. Кроме того, членами секции были прочитаны доклады: 1. Е. А. Мальцева (на совместном заседании с Психо-физической лабораторией): „О современном положении психологического исследования в

Германии". В докладе была охарактеризована работа ряда германских психологических лабораторий и указаны преобладающие направления в современной психологической науке в Германии. 2. Б. Л. Яворский прочитал два доклада (16/XI и 23/XI): „Музыкальные впечатления заграничной поездки". В первом докладе автор коснулся общих принципов создания художественного произведения и установил параллель между различными искусствами. В частности рассматривался принцип „раккурса" в изобразительном искусстве и в музыке. Второй доклад был посвящен современной музыкальной жизни за границей и касался некоторых основных причин, обуславливающих особенности музыкального вкуса и музыкального исполнения в различных странах. В п/секции готовятся к печати: 1) работа „О мелодии" С. Н. Беляевой - Экземплярской и Б. Л. Яворского и 2) Сборник „экспериментальных исследований по психологии музыки", выполненный членами п/секции.

В Группе по изучению новой музыки В. М. Беляевым прочитаны три доклада: 1) 18/X — „Творчество Пауля Хиндемита", 2) 5/XI — „Распространение русской музыки за границей" (на вечере Г. А. Х. Н. в ознаменование десятилетия Октябрьской революции), 3) 15/XI — „Режиссерский вопрос в опере" (на совместном заседании с Группой по изучению оперы при Театральной секции), 18/X — был прочитан доклад А. В. Мосоловым: „Фортепианный концерт Хиндемита".

В Комиссии по музыкальной энциклопедии работа по составлению музыкального тома, предпринятой Г. А. Х. Н. „Энциклопедии художественных терминов", приближается к завершению: музыкальный том намечен первым к выпуску. За время с октября по январь сдано выше 130 статей следующих авторов: Я. А. Богатенко, К. А. Кузнецова, М. И. Медведевой, Э. К. Розенова, З. Ф. Савеловой, В. Фермана, Б. П. Юргенсона и редактора тома М. В. Иванова - Борецкого. Ряд других статей уже готовы и над ними ведется в настоящее время редакционная работа, а также подбирается материал для иллюстрационных таблиц. Остальные статьи розданы авторам. Музыкальная часть „Библиографического тома", составляемая под руководством З. Ф. Савеловой, близится к окончанию.

Декоративный комитет

Двухлетний опыт деятельности Секции декоративных искусств показал, что не представляется возможным придать надлежащий уклон этой деятельности и вести ее развитие — на ряду с чисто научно-исследовательской работой — по пути установления действенной связи с художественной промышленностью без непосредственного и органического вовлечения в работу секции практических деятелей в интересующих секцию областях производства и техники. Между тем, значительное большинство деятелей этого рода, обладая высокой квалификацией в различных производствах и являясь там незаменимыми специалистами-практиками, не обладают достаточным научным стажем, требуемым уставом Академии и вследствие этого не могут войти в научный ее состав.

Практиковавшееся эпизодическое привлечение таких лиц к работам секции в качестве экспертов или консультантов естественно не могло дать прочного и органического объединения в работе, какое может быть создано только в обстановке постоянного и организованного соучастия в общей работе представителей науки и практики. Считая, что только такая работа будет способствовать скорейшему упрощению необходимой связи секции с производственными учреждениями, оплодотворений чисто научных изысканий секции и даст практические результаты, Президиум секции внес в Ученый Совет проект преобразования секции в комитет, которому предоставляется право кооптации соответствующих представителей техники и промышленности в качестве членов только данной научной ячейки, но не Г. А. Х. Н. в целом.

Проект секции, принятый Ученым Советом, получил одобрение конференции Г. А. Х. Н. и по утверждения проекта высшими инстанциями, секция получит возможность построить свою работу на новых основах.

За истекший отчетный период, кроме 2-х организационных заседаний, состоялось 4 ученых заседания СДИ, на которых были заслушаны доклады:

В П/с теории (совместно с П/секцией теории СПИ 19/X) был заслушан доклад Д. С. Недовича: „Диалог об искусстве и науке“. Сделав противопоставление подходов к искусству социолога и историка искусства, докладчик прихо-

дит к выводу, что между их методами исследования искусства принципиального различия нет. Социологи лишь резче заострили проблемы, которые были выдвинуты историками искусства.

П/с коллективного и крестьянского искусства. 14/XII состоялся доклад Н. Н. Соболева: „Набивное дело в украшении тканей“. Докладчик подверг рассмотрению существующие способы нанесения рисунка на ткань и дал обзор истории и техники набивного дела, сосредоточив главное внимание на эволюции этой отрасли художественной промышленности у нас, на ее роли в быту и перспективах ее дальнейшего развития. Совместно с Отделом изучения искусства народов СССР — 21/XII был заслушан доклад Е. И. Прибыльской „Художественно-кустарная промышленность на Украине“. Доклад явился результатом изучения образцов указанной промышленности, фигурировавших в Юбилейной выставке народов СССР в б. Нескучном дворце. По мнению докладчицы данные выставки свидетельствуют об улучшении качества продукции и росте художественно-кустарного дела на Украине. Художественное и техническое повышение качества продукции способствует увеличению сбыта, что, в свою очередь, стимулирует объединение кустарей, позволяет расширить производство и направлять его в сторону удовлетворения спроса потребителя на новые образцы. Художественное руководство в этом деле проявляется не только в умелом использовании в современной продукции музейного материала — образов коллективного творчества прошлого, но и в привлечении современного народного творчества. Правильная постановка художественно-промышленной школы на Украине способствует развитию местной кустарной промышленности, давая ей хорошо подготовленных работников.

В Комиссии по изучению керамики совместно с Социологическим разрядом (8/XII) был заслушан доклад С. С. Алексеева: „Проблема социологического изучения посуды“. В первой части доклада автор, охарактеризовав особенности посуды, как объекта социологического изучения — зависимость от требований материала, оборудования и процесса заводского производства, от характера заводов и рынка, — подверг рассмотрению элементы посуды, подлежащие изучению (форма, тематика росписи, колорит, ценностное выражение, выявление свойств материала) и дал анализ проблемы социологического изучения формы (преобладание декоративного или конструктивного стиля: пропорции, соотношение работающих и дополняющих частей, устойчивость и проч.). Вторая часть доклада, являясь иллюстрацией к поставленной автором основной проблеме, была посвящена изучению русского фарфорового чайника, и включала в себе общий обзор развития русской фар-

форовой промышленности на фоне социально-экономических явлений и анализу эволюции форм и декорации чайника.

Кроме того, секция продолжала работу над материалом для Энциклопедии терминов и библиографической части этого издания по Разделу декоративных искусств.

Отдел по изучению искусства народов и комитет по организации юбилейной выставки искусства народов СССР

Отчетный период, ознаменовавшийся юбилейными торжествами по поводу десятилетия Октябрьской революции, имел большое значение в деятельности Отдела по изучению искусства народов. На долю его выпало наиболее близко и вплотную подойти к проведению юбилейного празднования и к отражению и демонстрации достижений народностей Советского Союза, в области художественной культуры.

По поручению Юбилейной комиссии ЦИК'а СССР Г.А.Х.Н., при ближайшем участии Отдела по изучению искусства народов, приступила к работе по устройству выставки. Основной лозунг, выдвинутый Академией в связи с организацией выставки, был — взаимное ознакомление и познание народов СССР. В соответствии с этим было решено выявить на предстоящей выставке искусство национальностей, во всей его систематической широте с охватом всех отраслей искусства как коллективного, так и индивидуального.

В апреле с. г. образовался комитет, под председательством президента Г.А.Х.Н. — П. С. Когана, в составе заместителя председателя — Б. М. Соколова, заведующего художественной частью — Я. А. Тугендхольда и др.

В разосланных по всем республикам и областям Союза воззваниях комитет предлагал госучреждениям, организациям и отдельным деятелям в областях культуры и искусства производить сбор экспонатов по изобразительному искусству (живопись, графика, скульптура и архитектура) как художников профессионалов, так и работы художественных школ, по народному творчеству и кустарной промышленности, по художественной литературе, музыке, театру и художественной фотографии. Горячий отклик с мест и многочисленная присылка экспонатов придали выставке характер крупного общественного события и позволили наглядно выявить новые черты в художественной жизни народностей, вызванные их советизацией, отмиранием старого и зарождением нового. Серьезность, с какой подошли к вопросу о подготовке к выставке на местах, обеспечила очень удачно и строго систематический подбор экспонатов от большинства республик и областей. В ряде

республиканских и областных центров были организованы особые комитеты или комиссии содействия выставке, которые привлекли к работе по подготовке к выставке местные музеи, краеведческие общества, отдельных художников и деятелей. Для раз'яснения и инструктирования на местах, Комитет командировал В. Л. Львова-Рогачевского в Харьков, где он выступал на собрании поэтов и литераторов для раз'яснения задач выставки и привлечения широких кругов к ее участию. Е. И. Прибыльская также была командирована в УССР, где провела три месяца, занимаясь инструктированием местных кустарей и руководила подбором экспонатов. Особый интерес выставка приобрела еще и потому, что на ней впервые в Москве было показано до сих пор малоизвестное творчество национальных художников Украины, Закавказья, Белоруссии, Туркменистана и др. республик Союза. При отборе картин и других работ художников, жюри руководствовалось не всегда высоким качеством, желая дать возможность всем, в том числе и молодым национальностям, только теперь приобщающимся к художественной культуре, показать свои достижения. Поэтому выставка выявила на ряду с крупными художниками, имеющими уже известность у себя, и ряд молодых дарований и этим самым показала всю пестроту и богатые творческие возможности масс. Большой приток экспонатов поставил комитет перед необходимостью увеличить свою экспозиционную площадь и разделить выставку на три отдельных помещения вместо одного, которое было предусмотрено ранее по плану и смете. Это, конечно, неблагоприятно отразилось и на осуществлении общей идеи выставки, по которой выставка мыслилась, как единая, и значительно увеличило все организационные расходы.

В помещении Центрального музея народоведения (б. Нескучный дворец) разместился Отдел народного творчества и художественной промышленности, занявший 9 зал в бельэтаже дворца, общей площадью около 2.000 кв. метров. Художественное оформление данного отдела было поручено художникам: И. И. Нивинскому, В. И. Мухиной и Е. И. Прибыльской. Командированные правительствами республик от Узбекистана — В. К. Розвадовский, от Грузии — известный художник Ладо Гудиашвили, от Азербайджана — М. А. Фабри, от Армении — директор Эриванского гос. музея Драмбян, от Белоруссии — художники Кастелянский и Филиппович, привезшие экспонаты, приняли деятельное участие в работах Комитета по развертыванию выставки.

Для Отделов: изо, театра, кино и детского творчества, Комитет получил выставочное помещение Вхутеина (Мясницкая, 21). Художественное оформление данного помещения было выполнено по эскизам худ. И. М. Рабиновича под ближайшим руководством Я. А. Тугендхольда.

Отдел художественной литературы национальностей был объединен с Выставкой советской литературы за 10 лет, организованной Федерацией писателей в „Доме Герцена“ (Тверской бульвар, 25).

При экспозиции комитет придерживался во всех трех помещениях принципа территориально-географического, при чем каждой народности была предоставлена возможность проявления своей инициативы при размещении экспонатов, если это не шло в разрез с общими принципами художественных форм выставки. Присылаемые экспонаты по своему количеству сильно превысили возможную площадь и поэтому жюри приходилось делать очень тщательный отбор, выбирая наиболее ценные и значительные предметы. Это, к сожалению, нередко вело к некоторым недовольствам со стороны экспонентов, не понимавших, что Комитет, крайне стесненный площадью, не имел возможности всех удовлетворить.

По характеру экспонатов выставка делилась на следующие главнейшие группы. В Отделе куст. промышленности общее количество экспонатов было около 12.000. Наибольший процент из этого числа принадлежал к текстилю (ковры, кружева), далее шли деревянные изделия, изделия из кости, ювелирные изделия.

В Отделе изо, театра и кино общее количество экспонатов равнялось 3.000. Здесь на первом месте по количеству были рисунки, потом масляная живопись, графика, акварель, скульптура, полиграфические искусства (обложки книг), архитектурные проекты, киноэкспонаты (плакаты, фотографии), (театральные макеты (эскизы и фотографии).)

В Отделе художественной литературы общее количество экспонатов равнялось 2.500. Громадное большинство представляли издания на языках национальностей, далее шли рукописи (отд. фольклора), фотографии писателей, диаграммы и т. д.

Экспонентами явились: по Отделу кустарной промышленности правительства республик и областей, кооперативные союзы и артели, художественные школы и техникумы, музеи, краеведческие общества и отдельные лица. В отделе изо, театра и кино экспонентами явились правительства республик и областей, художественные о-ва и объединения, художественные ВУЗ'ы, техникумы и школы, кино-организации, театры и отдельные художники. Экспонентами Отдела художественной литературы явились национальные гос. издательства, различные издательства, объединения и союзы поэтов и писателей, издания музеев, научных и краеведческих об-в, персонально отдельные писатели и поэты.

Открытие выставки было приурочено к Октябрьским торжествам. 8/XI было торжественное открытие выставки во Вхутемасе. На открытии присутствовали представители правительства

и многочисленная публика. Со вступительным словом от имени правительства выступил т. П. Г. Смидович, приветствовавший идею устройства данной выставки и указавший, что удачное выполнение ее имеет большое значение для нашей страны как в политическом, так и в культурном значении. От имени к-та выставки — П. С. Коган и Я. А. Тугендхольд. 9/XI был открыт Отдел художественной литературы и 10/XI — Отдел народного искусства и худ. промышленности. В настоящее время хотя выставка уже закрылась, трудно дать точный подсчет, количества прошедших посетителей. Всего во всех трех помещениях перебывало около 12.000 человек, из которых большая часть падает на бесплатные экскурсии рабочих, красноармейцев, учащихся и организованных групп членов профсоюзов. Сейчас, когда работа по выставке находится еще в стадии ликвидации и еще предстоит много работ, связанных с подведением итогов, можно определенно сказать, что несмотря на неизбежные недочеты, выставку можно признать вполне удавшейся как в политическом, так и в культурном и художественном ее значении. Основной лозунг, выкинутый Г.А.Х.Н., — взаимное познание народов СССР — выполнен. Не только Центральный союз получил полное и интересное представление о художественных достижениях наших братских народностей, но и сами народности, перебывавшие на выставке, имели возможность увидеть и проследить все особенности в творчестве своих соседей и это знакомство несомненно явилось толчком и к их дальнейшему развитию и усовершенствованию.

Отдел по изучению искусства национальностей во время выставки провел совместно с комитетом и еще одну работу, которую нельзя назвать неудачной. Г.А.Х.Н., включив в состав выставки Отдел музыкального творчества, признала крайне желательным представить на выставке музыку национальностей не только в виде музыкальных инструментов, таблиц и диаграмм, которые, конечно, не дали бы живого и действенного представления о музыке народов, но обратился к соответствующим организациям республик и областей с предложением командировать в Москву к моменту открытия выставки своих лучших исполнителей национальной музыки. Этот призыв получил горячий отклик и состоявшийся приезд артистов и певцов на ассигнованные местами средства, дал возможность организовать как бы живой музыкальный отдел, где музыка была показана не мертвой, а в ее динамической форме.

10/XI в Г.А.Х.Н. состоялся вечер, посвященный музыкальному творчеству Армении и Азербайджана. Гос. капелла Армянской консерватории исполнила ряд музыкальных произведений как чисто народных, так и индивидуальных произведений армянских композиторов. Балетная студия НКП Армении бле-

стояще исполнила в национальных костюмах ряд народных танцев. Азербайджанская ССР командировала на выставку ряд отдельных нац. певцов и инструменталистов, исполнивших ряд номеров на „кяманча“, „сасе“ и народного артиста АССР Бюль-бюль, обладающего оригинальным, чисто восточным тенором (фальцетом), исполнившим ряд песен.

14/XI состоялся вечер, посвященный Белорусскому искусству. Прибывший из Минска Гос. академический хор провел программу, в которой было показано как чисто народное песнетворчество, так и произведения белорусских композиторов, написанные на революционные темы. Кроме этого, было дано несколько номеров национальных танцев в подлинно народных костюмах. Кроме музыкальных выступлений на вечере 14 XI проф. Н. Н. Щекотихин прочел доклад на тему: „Художественная культура Белоруссии за истекшее 10-летие“, где подробно охарактеризовал все течения в областях изобразительного искусства и народного творчества, наблюдающиеся в настоящее время в БССР. Выступления поэтов, — прочитавших стихи на белорусском и еврейском языках, еще более дополнили общую программу вечера и все вместе взятое дало в целом очень яркое и полное представление о художественной жизни данной Республики.

26/XI состоялся вечер „Северных былин“, организованный совместно с Фольклорной п/секцией Г.А.Х.Н. На вечере выступали выписанные Комитетом выставки сказители былин из Заонежья (Карельская АССР) — Н. С. Зиновьева-Богданова и П. И. Рябинин. В певшихся ими былинах они выявили до сих пор бытующую среди северных великороссов традицию исполнения старых эпических сказаний русского народа.

27/XI состоялся вечер Грузии. В большом вступительном слове, прибывший в Москву грузинский композитор и дирижер А. Поцхверашвили, обрисовал пути развития и современного состояния грузинской народной песни. Состоявшиеся после его доклада выступления 4-х национальных хоров Карталинского, Гурийского, Имеретинского и Мингрельского — дали очень яркое представление о народной песне, отметив ее особенности, выражающиеся в двухголосии и контрапункте. Интересное представление о хореографическом искусстве грузинского народа дали исполненные на вечере народные танцы, подчеркнувшие присущий грузинам лиризм и поэтическую настроенность.

Помимо вышеперечисленных вечеров, состоявшихся в Г.А.Х.Н., комитет выставки провел в Центральном доме работников искусств ряд вечеров национальной музыки для широких масс посетителей выставки, где выступали приехавшие с мест певцы и музыканты. Помимо упомянутых артистов в ЦД Рабиса выступали национальные музыканты Дагестанской АССР и русский хор крестьян имени Пятницкого.

10/XII в Коммунистическом университете трудящихся востока для пролетарского студенчества был организован вечер Абхазской музыки. На этом вечере, под руководством собирателя абхазской народной песни К. Ф. Дзидзаря, камерный оркестр исполнил ряд впервые произведенных записей абхазских народных мелодий.

Большинство работников отдела в период организации и функционирования выставки не имели возможности вести повседневную научно-исследовательскую работу, так как это бывает возможно в нормальных условиях академической работы. За отчетный период состоялся доклад 29/XI приехавшего из Тифлиса т. Дудучавы: „Художественная культура Грузии“, в котором докладчик подробно остановился на всех отраслях художественной жизни Грузии, отметив все новое, что зарождается в связи с укреплением и впитыванием основ новой пролетарской культуры.

Материал выставки и общение с работниками искусств народов Союза дает возможность отделу теперь, после ликвидации выставки, приступить к серьезной исследовательской работе по изучению всего того колоссального материала, который дан выставкой. Под знаком этого при дальнейшем развитии и укреплении связи с национальностями и будет протекать дальнейшая работа отдела и организуемого при нем кабинета, в который войдет часть экспонатов, бывших на выставке (художественная литература, отд. образцы, кустарные изделия и т. д.).

Библиологический отдел

В первом полугодии 1927/28 г. Библиологический отдел имел 11 научных заседаний: из них 4—соединенных с другими ячейками Академии (3—с Графической комиссией СПИ, 1—с Архивно-литературной комиссией Литературной секции). Из этих 11 заседаний, 4—было пленарных, 3—в П/о истории и теории книги, 2—в П/о библиографии, 1—в П/о археографии, 1—в П/о палеографии.

Таким образом, первый квартал прошел под знаком тесного содружества Б/о с родственными ему академическими ячейками, в первую очередь с Графической комиссией СПИ. С последней Библиологический отдел связывает, главным образом, разработка вопросов полиграфического искусства, начинающая занимать все более и более важное место в деятельности отдела. Перед Библиологическим отделом, еще прошлым летом, встала задача о выделении вопросов полиграфического порядка в круг деятельности особой комиссии. Образование новой комиссии, призываемой работать не столько путем теоретического, сколько экспериментального исследования, несколько затормозилось по той причине, что до сего времени Б/о не удалось получить помещения для организации лаборатории. Тем не менее вопросы полиграфии вошли в орбиту внимания Б/о и им было уделено несколько докладов, обсужденных перед более широкой, чем обычно, аудиторией, с привлечением ряда лиц, работающих в области полиграфического производства. 12/IX состоялось соединенное заседание пленума и Графической комиссии СПИ, с заслушиванием доклада В. Я. Адарюкова: „Журнал Пчела“ и „Варшавская политапжня“. Сведения о докладе даны в обзоре СПИ, здесь же важно указать, что прения развернулись по интересующему теперь научные круги Москвы вопросу о способах консервации гравюр, иллюстраций и т. п. В прениях был поставлен принципиальный вопрос о допустимости вырезывания из журнала отдельных иллюстраций, для распределения их по папкам художников, школ, тем и т. п.. Большинство участников прений склонялось к мнению, что такого рода нарушение цельности журналов старинных и редких, возможно лишь по наведении справки о том, что данный журнал в целом виде имеется хотя бы в одном из московских книгохранилищ.

19/IX, в пленуме же, состоялся доклад А. А. Кроленко: „Научная и практическая организация книжного дела за границей“. Доклад сопровождался большой выставкой журналов и книг по затронутым в докладе вопросам. По словам докладчика, вопросы книжного хозяйства, в частности книгоиздательства и книготорговли, разрабатываемые за границей, и, прежде всего, в Германии, чисто научно, превратились в самостоятельную ветвь книговедения, отмежевавшись в то же время от вопросов, посвященных технике производства книг (полиграфическое и бумажное производство книг). В целях борьбы с книжными кризисами, наибольшее внимание уделено практической и теоретической разработке методов продвижения книг (Werbung) и расширения сбыта, при чем здесь характерна тенденция к применению научного эксперимента и новейших достижений психотехники. Докладчик справедливо указал, что вопрос об издании литературы, посвященной практическим вопросам книжного дела, с большой остротой стоит на очереди в СССР, где, несмотря на централизованную систему книжного хозяйства и огромное количество книжных работников, по этим вопросам почти ничего не издавалось. Иностранная же литература, в виду своеобразия наших условий, может быть использована только частично.

26/IX состоялось соединенное заседание пленума и Графической комиссии СПИ. Заслушан был объединенный доклад М. И. Щелкунова и К. С. Кравченко о Всесоюзной полиграфической выставке, при чем М. И. Щелкунов сделал доклад о выставке вообще, тогда как К. С. Кравченко говорила только об отделении производственной графики на этой выставке. В своем докладе М. И. Щелкунов останавливается, главным образом, на многочисленных недостатках выставки, недостатках как организационных, так и экспозиционных и издательских (сборник выставки и путеводитель к ней). Участники прений все без исключения согласились с „обвинительной речью“ докладчика и указали на ряд случаев, свидетельствовавших о плохой организации выставки, малой ее плановости, случайном и сумбурном расположении материала, малой его показательности. Принципиальный спор возгорелся вокруг 2-х пунктов объединенного доклада: правомерно ли было включение в план выставки отделов письменности и рисунка. Собрание пришло к заключению, что история письмен должна быть отображена выставкой, что же касается рисунка, то последний в чистом своем виде был только пристегнут к выставке и задавил собой, имевший право на видное место, рисунок прикладной, предназначенный для репродукцирования.

3/X в пленуме был заслушан доклад А. А. Сидорова о „Международной книжной выставке 1927 г.“, имевший место в Лейпциге. Докладчику удалось дать яркую и живую картину

выставки, выявив все наиболее интересное из громадного материала выставки (12.000 экспонатов, 2.000 художников, 20 стран-участниц). По словам докладчика, выставка имела целью отграничить Kunst im Buch от Buchkunst, что удалось не вполне. СССР было уделено очень почетное место, при чем наш отдел производил впечатление, главным образом, тем значением, какое получили у нас обложки и книжная графика, бросалась в глаза иностранцам и та роль, которая предназначена у нас книге, как средству агитации и пропаганды. — Общее впечатление докладчика от выставки: огромная высота, огромные достижения, но ничего нового, тон задают 50-лет., новое поколение идет по их стопам. То же в области переплета, высокое мастерство, но опять-таки ничего нового. Отмечается докладчиком живой интерес к детской книге, к библиофильским изданиям, (тому и другому посвящены особые залы), к шрифтам. Перспективы, открываемые выставкой, по мнению докладчика, следующие: Англия — история, прошлое, Франция — настоящее, СССР — будущее. Доклад сопровождался демонстрацией материала, бывшего на выставке (фотографии экспонатов, путеводители по выставке, номера журналов, посвященных выставке и т. п.).

П/о истории и теории книги имел 3 заседания. Первое, состоявшееся 20/IX было посвящено объединенным информационным докладам Н. Ф. Гарелина и П. Д. Эттингера, М. А. Доброва и Н. И. Пожарского: „О новостях в области библиографии“. Сообщение Н. Ф. Гарелина касалось французских, английских и американских новинок. Особенно подробно докладчик остановился на последнем выпуске английского журнала „Freurow“, сопоставленным им с молодым, но уступающим своему английскому собрату, американским журналом „Ar Typographica“. П. Д. Эттингер говорил о целом ряде французских и немецких новинок, останавливался более подробно на образцовом каталоге книжной Лейпцигской Выставки, новом томе Gutenbergjahrbuch'a, где им отмечены были статья Audin'a об эльзевирах и статья о покойном графике Нарбуте. Им же был продемонстрирован только-что полученный № нового французского журнала „Arts et Metiers graphiques“, значительную часть своего материала посвящающий книговедению и иллюстрации. — М. А. Добров говорил о „Трудах Соловецкого об-ва краеведения“, заменившим издававшийся ранее журнал „Соловецкие острова“. — Н. И. Пожарский демонстрировал последние русские новинки по библиографии (Книга о шрифтах, издание Ленинградского об-ва библиофилов).

На соединенном заседании П/о истории и теории книги с Графической комиссией СПИ, состоявшемся 10/X, Н. В. Власовым был прочитан доклад на тему: „Новые данные о Театральном Альбоме 1842/43 г.“. Докладчику удалось собрать

полный экземпляр этого редчайшего, в полном виде, издания, выходявшего отдельными выпусками. Достаточно сказать, что описания, сделанные Вережагиным с Оболяниновым произведены по неполным экземплярам. Докладчик обильными, более чем 20-ю цитатами, из журналов 40-х годов, опровергнул заявления предшествовавших исследователей, что появление альбома прошло незамеченным. Докладчик установил план издания, содержание отдельных тетрадей как вышедших, так и невышедших, фамилии художников, участвовавших в создании альбома, причину его редкости, наконец, ему удалось установить фамилию настоящего издателя альбома (А. Черноглазова).

15/XII в том же П/о был заслушан доклад М. А. Доброва „Форма карточки, для полного описания иллюстрированных изданий“. Форма карточки, предложенная докладчиком, принципиально не встретила серьезных возражений и была по всем пунктам одобрена. Библиологический отдел предложил М. А. приступить к работе над какой-либо категорией книг, и, таким образом, проверить карточку на практике.

П/о Библиографии имел 2 заседания. На первом, состоявшемся 24/XI, был заслушан доклад Е. И. Шамурина: „Библиографические организации за 10 лет“. Докладчик дал широкий обзор пути, проделанного русскими библиографическими организациями за 10 лет советской власти, при чем в целях полноты картины включил в план своего рассмотрения не только библиографические организации, но и библиофильские, книговедческие краеведческие и библиотечные, поскольку он работает в области библиографии. Выступавшие в прениях отмечали полноту и обстоятельность доклада, указывая, однако, что напрасно докладчик остановился только на достижениях, не отметив теневых сторон отсутствия указателей к „Книжной летописи“, значительной пустоты в области научной библиографии и теории библиографии, неналаженности координации библиографических работ и т. п.

7/XII был заслушан доклад В. Я. Адарюкова „Библиофил и библиограф А. В. Петров“. Докладчик, на основании личного знакомства и переписки, подробно осветил библиографию А. В. Петрова (известного собирателя и библиографа книг петровской эпохи), перечислил все его научные труды и дал их обстоятельную характеристику, приведя все отзывы о них, появившиеся в печати. Данный доклад положил начало библиографической картотеки книговедов и деятелей книги. Для внесения в это дело плановости организована комиссия в лице: В. Я. Адарюкова, А. И. Кондратьева, Н. И. Пожарского и Н. Ю. Ульянинского. П/о палеографии имел одно заседание, состоявшееся 23/XI. На нем был заслушан доклад А. И. Некрасова: „К вопросу о русском рукописном орнаменте XIV в.“. Прочитанный доклад является частью подготовленной к печати

работы и посвящен был анализу орнамента одного смоленского Евангелия. Доклад вызвал оживленные прения о числе участников орнаментовки, стиле ее, влияниях и т. п.

П/о археографии имел одно заседание (соединенное с Архивно-литературной комиссией Литературной секции), состоявшееся 1/XII. Заслушан был доклад Н. Ф. Бельчикова на тему: „Социальный генезис частных архивов“. Докладчик установил тесную зависимость между содержанием архива и социальным происхождением его образователя. Различные архивные фонды он разбивает по двум основным категориям: фонды писателей-помещиков и фонды писателей-разночинцев. Для первой категории характерно наличие хозяйственно-усадебного архива (купчие, приходо-расходные книги, личные документы, членов семьи, историко-литературные документы здесь только вкрапливаются в прочие). Для этой же категории характерна: 1) страсть к собиранию архивов, многие тут являются не только фондообразователями и фондособирателями, 2) устойчивость, оседлость архива. Архивы писателей-разночинцев — иные, связываются они преимущественно с идеологическими моментами жизни их владельца (дневники, литературное творчество, переписка), только изредка вкрапливаются моменты хозяйственные (запись денежных сумм у Достоевского). В прениях отмечалась острота постановки темы, вызываемый ею интерес, но указывалось, что деления всех фондов только на 2 категории недостаточно, надо было выделить купеческие архивы, буржуазные архивы, архивы духовенства, революционных деятелей, может быть, крестьянства. Указывалось, что некоторые частные архивы могут терять свою „частную“ физиономию и уподобляться архивам учреждений (напр., архивы фабрикантов).

Б/о имел за этот период ряд организационных заседаний, по большей части связывавшихся с заседаниями президиума Б/о. Первые из этих заседаний были посвящены вопросу образования особой Полиграфической комиссии (см. выше). Ряд заседаний отдан выработке плана и устройству выставки „Советской книги по изобразительным искусствам“, открытие которой было поручено к октябрьским торжествам. Выставка открылась 18/XI, продолжалась до 25/XI, посетителей было зарегистрировано свыше 500 человек. Ко дню открытия выставки была составлена картотека всего имевшегося на выставке материала. Более подробный отчет о выставке, плане и составе ее, а равно и об ее результатах будет дан в следующем номере Бюллетеней Г.А.Х.Н.

Производственная работа Б/о протекала по прежним руслам, в несколько суженном, однако, размере. Так пришлось, за недостатком средств и отвлечением сотрудников на другую работу, временно отказаться от картотеки русских иллюстри-

рованных изданий, производимой по „Книжной Летописи“. Работа той же картотеки по „Книжному Вестнику“ не прекращалась и охватила годы 1864—1867, при чем два последних года (1866 и 1867) находятся еще в работе. Не прерывалась и работа по постатейной росписи иностранной периодики, получаемой в б-ке Г. А. Х. Н.

Продолжалась, под наблюдением Н. Ю. Ульянинского, работа по постатейной росписи (статей по искусству) русской периодики за 1926 год, при чем обработке подверглись 93 журнала.

Кино-кабинет

В первом полугодии 1927/28 года деятельность Кино-кабинета развивалась в согласии с теми общими пожеланиями, которые были выдвинуты в отчетном докладе Президиуму Г. А. Х. Н. в конце прошлого отчетного года.

Практика прошлых лет показала, что при наличии существующих условий, самое существенное значение для научной работы кабинета имеет накопление материала и соответствующая обработка его.

С этой целью в настоящем полугодии было обращено особое внимание на образование специальных групп при Кино-кабинете, которые могли бы заняться, помимо разработки тех или иных теоретических проблем, собиранием и обработкой этих материалов. Так, помимо музейной группы и группы по фильмографии, которые успешно работали уже в прошлом году, организована новая — сценарная группа и намечены к организации в ближайшем будущем еще три группы: Социологическая, Техническая и Группа по изучению режиссера и актера в кино.

Группой по фильмографии проделана уже довольно обширная работа по описанию дореволюционной фильмы (до 1916 г. включительно). В настоящее время группа приступает к составлению специальной картотеки, куда войдет также описание и советской фильмы. Кроме того, группа приступила уже к работе по экспериментальным с'емкам, в задачи которой входит изучение искусства движения и обработка актера на пленке.

В план работ сценарной группы в первую очередь включено изучение традиций сценарного ремесла. На ряду с исследовательской работой занятия группы ставят себе задачей практическую помощь существующим в СССР производственным организациям. Первое заседание Сценарной группы (29/XII) было посвящено докладу В. Шкловского: „Сценарий „Капитанская дочка“ и методы кинематографической интерпретации исторического материала“. Отмечая, что даже лучшие исторические сценарии не удаются потому, что там неизбежно встречается искусственное сращивание любовной интриги и исторического материала как такового, — докладчик пришел к выводу, что исторический сценарий должен, главным образом, заниматься

строгой научной разработкой исторического материала по первоисточникам, в основу которых должны лечь общественные взаимоотношения, а не случайные бытовые явления. Содокладчик тов. Сиров, отмечая всю важность и значение новых методов, указал, что помимо научно-исторических обобщений, не следует упускать из виду и важности конкретных бытовых жанров. Работая над опровержением пушкинской версии „Капитанской дочки“, в целях освежения исторического материала, автор сценария снизил этот материал, не избежав, в концовках, канонизированной версии. После целого ряда возражений со стороны других оппонентов, собрание, отметив ценность поисков докладчика, пришло к выводу, что Шкловский, забыв Пушкина, не дал своей вещи.

В заседании пленума выносились, как обычно, научные просмотры и доклады, имеющие более общий интерес. Таких заседаний за отчетный год было четыре: 14/X — просмотр фильма „Бывшие люди“, 11/XI — доклад Леона Муссиака: „Особенности кино-языка и положение кино в капиталистических странах“, с просмотром картины „Лица детей“ — Жака Фейдера, и доклад Ф. А. Шипулинского: „О школьном образовании“. Доклад Л. Муссиака, в первой своей части носивший чисто теоретический характер, резко подчеркнул особенности кинематографической выразительности. Основные положения и выводы докладчика сводились к выводам и положениям, выдвинутым им в его книге „Рождение кино“. Во второй части, нарисовав яркую картину современного состояния кино за рубежом, докладчик выразил уверенность, что все объективные данные говорят за победу молодого советского кино, как кино, не преследующего никаких спекулятивных целей и отвечающего здоровым требованиям широких трудящихся масс. Только при таких общественных условиях, по мнению докладчика, как в СССР, может расти и развиваться такое искусство, как кино, согласно его основным особенностям. Доклад Ф. П. Шипулинского, отмечая неудовлетворенность постановки книгообразования, остро поставил вопрос о необходимости подготовки более образованных и квалифицированных работников по всем отраслям кино-знания. Для этого докладчик выдвинул: 1) план создания в центре кинематографического ВУЗ'а, 2) учреждение кафедр кинематографии в технических ВУЗ'ах, создание Научно-исследовательского института кинематографии, где бы научная работа и практика кино были увязаны в целях создания кадров, необходимых современному кино-производству. После широко развернувшихся прений, была разработана специальная инструкция, в основу которой были положены тезисы докладчика, для представления таковой на всесоюзную конференцию, происходившую в то время в Москве.

В этом же полугодии несколько пленарных заседаний были посвящены обсуждению материалов к предстоящему партийному съезду по вопросам кино.

В связи с празднествами десятилетия Октябрьской революции, Кино-кабинетом было организовано два специальных вечера: один совместно с Научно-показательной частью (отчет НПЧ), другой — с докладом Ф. П. Шипулинского, посвященный достижениям советской кинематографии за 10 лет, и просмотром новых картин Эйзенштейна, Пудовкина, Кулешова (19/X).

Кроме того, в этом полугодии впервые был произведен опыт увязки работы Кино-кабинета с другими ячейками Академии — заседание, устроенное Философским разрядом (доклад тов. Скрябина: „Искусство ли кино“), с участием членов Кино-кабинета (отчет по Философскому разряду). В дальнейшем Кино-кабинет намечает организацию совместных заседаний с Социологическим разрядом и Театральной секцией.

И, наконец, необходимо отметить, что всегда остро стоявшая потребность в специально оборудованном помещении при Академии для экспериментальных работ кабинета, ныне встает с особой силой и неотложностью. Намеченная организация поступления материалов из хранилищ Совкино, представляющая огромную научную ценность и базу для научной работы, требует не только помещения, как хранилища, но и помещения, специально оборудованного для того, чтобы можно было его использовать для научных целей.

Удачное разрешение этого вопроса в ближайшем будущем дает возможность по новому поставить и развернуть дальнейшую научную работу Кино-кабинета.

Психо-физическая лаборатория

В первом полугодии 1927/28 ак. года Психо-физическая лаборатория, в отношении направления своей деятельности, определенно утвердила принцип установки на проблемы эстетики и особенно на конкретные вопросы искусствознания. Выяснению такой задачи и вытекающих из нее следствий был посвящен доклад В. М. Экземплярского, прочитанный в заседании 22 сентября 1927 года. Докладчик отметил необходимость для проведения этого принципа в каждой экспериментальной работе, оперирующей как цельными художественными произведениями, так и их элементами, консультации со специалистами-искусствоведами, важность установления объективного характера избираемой в исследованиях методики и в качестве частной задачи — внимание к типическим различиям в восприятии и творчестве художественных произведений.

Установка на конкретные искусствоведческие задачи выдвинула необходимость подхода к театральному искусству, до сих пор остававшемуся вне сферы деятельности лаборатории. После предварительных совещаний с П/секцией теории Театральной секции — 17/IX было организовано заседание, на котором, кроме сотрудников лаборатории и названной п/секции были приглашены работники театров. На заседании был заслушан доклад С. Н. Беляевой-Экземплярской на тему: „Регистрация сценического действия“. Доклад носил программный характер, выявляя значение регистрации и частные задачи в разрешении этого вопроса (регистрация зрительной, акустической, формально-эстетической стороны и других моментов в игре актера). В прениях по докладу указывались трудности при переходе от записи элементов исполнения к полному рисунку роли, но признавалось бесспорное значение работ в этом направлении, если не для практических целей, то во всяком случае для теоретического изучения театрального искусства.

Следствием названного доклада явилась организация небольшой группы, проделавшей уже в этом полугодии значительную работу по примерной записи актерского исполнения, а также предварительные занятия по выяснению ряда принципиальных и практических вопросов, встающих по пути к решению этой задачи. В сложном ряду таких вопросов выдвинут был в первую очередь вопрос о регистрации движе-

ний в связи с проблемой записи сценических движений актера. Для выяснения этого вопроса организовано 12 XII совместное заседание с Хореологической лабораторией, в котором выступавшие в качестве докладчиков А. И. Ларионов и А. А. Сидоров познакомили с существующими методами записи движений, главным образом, в отношении движений танца. В прениях намечены были основные вопросы, требующие выяснения при постановке задачи записать сценические движения актера: комплексная запись, запись отдельных положений и запись ряда движений, дающего художественное целое, запись мимических движений, запись координированных движений двух партнеров и др. Для разрешения этих вопросов предусмотрена дальнейшая совместная работа двух лабораторий.

Из прошлогодних работ в этом полугодии было доложено С. С. Скрыбиным, в заседании 13 октября, о результатах разработанной им серии опытов по вопросу об эстетической абстракции. Работа выясняет некоторые отличительные признаки эстетической абстракции сравнительно с простой и изменения в силе положительной и отрицательной абстракции, в сознательности и активности процесса, его легкости или трудности и в быстроте при постановке задач абстрагировать красивое, некрасивое и безразличное. Прения по докладу относились к вопросу об общезначимости и объективной обоснованности положений доклада.

В истекшем полугодии разрабатывались результаты законченных серий опытов в работах В. М. Экземплярского об индивидуальных различиях в образном предметном мышлении—М. Н. Беляевой-Экземплярской о восприятии мелодического движения и Л. В. Благонадежиной о музыкальном узнавании и заканчивались опыты С. В. Кравкова и В. А. Паульсон-Башмаковой относительно контрастного действия трансформируемых цветов.

Дополнительные серии опытов ставились в исследованиях: А. Н. Залесской—об эстетическом воздействии геометрических фигур, О. И. Никифоровой—о восприятии геометрической композиции картин, А. В. Ванециана—о гармонических и композиционных отношениях в области цвета.

Из новых работ, включенных в план лаборатории этого года, собирание экспериментального материала, производилось в исследованиях: В. Н. Ланиной—о психофизическом действии некоторых элементов лирических стихотворений, Н. Ю. Говсеевой о влиянии цвета на дыхание (в той и другой работе получение пневмографической кривой), О. А. Черниковой об эмоциональном воздействии линии. Е. С. Хинкис—о принципах эстетического выбора при восприятии пространственного расположения геометрических фигур, Э. Е. Розенова—о восприятии ритмических метрических единств в

области музыки. Кроме того, велась работа по организации технической стороны опытов и исследований Б. Н. Компанейского — об эстетическом воздействии последовательных цветовых впечатлений и С. С. Толстого — об измерении колорита картин.

Кроме того, в заседании 27/IX были заслушаны и приняты планы новых исследований: Н. А. Черниковой на тему — „Изменение цвета под воздействием структуры единства и множества и Т. Е. Карповцевой — „Типы восприятия картин“.

15/XII было организовано совместное заседание с П/секцией музыкальной психологии Музыкальной секции, в котором было заслушано информационное сообщение Е. А. Мальцевой о современных психологических работах в Германии (по личным впечатлениям), в котором докладчица осветила вопрос о современных методологических течениях в области теоретической и прикладной психологии в Германии, о содержании и направлении работ в области психологической акустики и музыкальной психологии, в частности о работах по музыкальной одаренности и музыкальной педагогике.

Хореологическая лаборатория

Хореологическая лаборатория за период октябрь - декабрь 1927 года имела 7 научных заседаний, которые по принятой программе работ распределяются следующим образом:

По Разделу первому, а именно: „Общие принципы искусства движения“, было организовано пять заседаний: из них три заседания были посвящены докладам: А. А. Сидорова (17/X и 25/X) — „Основные явления современного художественного Западного танца“ И. С. Чернецкой (11/X и 11/XI) — „Пути будущего танца“, А. А. Черепнина (28/XI) — „Диалектика балета“, а два заседания дискуссиям по этим докладам. А. А. Сидоров указывает на отсутствие единой художественной линии в танцевальном искусстве Запада, а главное, в отсутствии на Западе творческих устремлений. Во время дискуссионного обсуждения был поставлен вопрос о необходимости начать изучение художественного образа, лежащего в основе танцевального явления и о воздействии на стихию танца со стороны творческих образов революции. Доклад И. С. Чернецкой был посвящен проблеме создания нового революционного сюжета для балетного спектакля и попытке построить такой сценарий. Во время дискуссии было указано на неудачу всех современных попыток реформ в этой области и на необходимость систематической проработки идеологии и монтажа революционного балета. Доклад А. А. Черепнина представлял собой анализ внутренней конструкции балетного спектакля и констатировал, в качестве диалектического вывода, необходимость внутреннего перерождения этой формы искусства.

По Разделу четвертому — фиксации движения, было организовано совместное заседание с Психо-физической лабораторией, на котором были заслушаны доклады (12/XII) А. И. Ларионова — „Принципы фиксации сценического движения“ и А. А. Сидорова — „Стенографическая запись движения“. По Разделу пятому — нормализация техники движения, — был заслушан доклад (15/XI) М. Е. Бурдевой — „Техника и метод художественного движения“, в котором указывалось на необходимость правильного построения физиологической кривой урока и регламентации дыхания во время тренировки.

За указанный период А. И. Ларионовым были проведены 12 экспериментальных занятий, на которых произведены следующие работы:

1. Закончено составление русской библиографии по искусству движения, по вновь разработанной классификационной схеме, соответствующей современному состоянию хореологических проблем. Библиография объединяет более 1.200 отдельных названий. 2. Составлена библиография и картотека критических отзывов об Айседоре Дункан. 3. Составлена таблица художественной генеологии современного танца, на основе анкеты, разосланной всем выдающимся артистам и режиссерам танца. 4. Произведен анализ архитектоники фехтовального движения. 5. Разработан вопрос о зависимости формы пространственного кадра от структурных линий положения и движения танцевальной фигуры. 6. Разработан вопрос о композиции движения по площадке. 7. Разработан вопрос об архитектонике циркового движения. 8. Разработан вопрос об архитектонике сюжета и действия балетного зрелища. 9. Произведена археологическая реконструкция трех типов древне-египетского костюма (в пяти вариантах). 10. Исполнены: одна таблица по художественной генеологии танца, две таблицы по архитектонике ансамблевого балетного движения, одна таблица по архитектонике трудового процесса и одна таблица по архитектонике гимнастического движения.

За истекший период имело место 6 заседаний секции по изучению пляски при НТК ВСФК; из наиболее важных предметов заседаний отметим: пересмотр „Временного положения о пляске и танцах в клубах“, постановление об организации опытной группы при каком-либо клубе, разработку программы преподавания пляски в Институте физической культуры, заслушаны доклады Н. С. Фидитиса: „Пляска, как разновидность игры“ и Е. Соболевой: „Детская пляска“.

Научно-показательная часть

Работа Научно-показательной части за истекший период протекала в пределах утвержденного плана, при чем особое внимание было уделено организации показательных вечеров в связи с 10-летним юбилеем Октябрьской революции и выставкой искусства национальностей СССР, организованной Г.А.Х.Н.

НПЧ, совместно с месткомом Г.А.Х.Н. в первом случае, и совместно с Отделом по изучению искусства национальностей, во втором, разрабатывала планы всех соответствующих выступлений и принимала ближайшее участие в их устройстве. При подготовке указанных вечеров выбор тем и характер осуществления иллюстративной части в значительной степени обуславливался инициативой НПЧ. При разработке программ НПЧ обращалось внимание как на подбор определенных текстов, так и на привлечение артистических сил, в соответствии с поставленным в каждом отдельном случае заданием. Особо должны быть выделены вечера в связи и 10-летним юбилеем Октябрьской революции. 5/XI был проведен вечер музыки с докладами: М. В. Иванова-Борецкого—„10 лет музыки в СССР“ и В. М. Беляева—„Распространение музыки СССР за границей“. После докладов была дана музыкальная иллюстрация, в программе которой между прочим выступала Государственная капелла. 12/XI состоялся вечер, посвященный десятилетию советского кино (совместно с кино-кабинетом Г.А.Х.Н.) с вступительным словом Ф. П. Шипулинского и демонстрацией отрывков из кино-фильм революционного периода. 18/XI состоялся вечер, посвященный изобразительному искусству СССР с докладами: А. А. Федорова - Давыдова — „Скульптура за 10 лет“ и Я. А. Тугендхольда — „Живопись за 10 лет“. 21/XI состоялся вечер революционной литературы истекшего десятилетия со вступительным словом И. Н. Кубикова и выступлениями артистов МХАТ 2-й и ГАБТ в иллюстративной части. Цикл вечеров, устроенных совместно с Отделом изучения искусства национальностей, состоял из вечеров: 10/XI—Армянского искусства, 14/XI—Белорусского и Украинского искусства и 27/XI Грузинского искусства. Все означенные вечера сопровождались докладами, в иллюстративной же части приняли участие как отдельные артисты Москвы, так и прибывшие ансамбли артистов хора и балета с мест. Вечера имели своей

целью познакомить Москву с достижениями подлинно-национального искусства как в разрезе историческом, так и в современных проявлениях народного творчества. Необходимо выделить крупный успех этих вечеров и большую их посещаемость.

Среди других выступлений могут быть отмечены: вечер (11/XI) „Современное искусство Мексики“ (совместно с Иbero-американской группой Литературной секции Г.А.Х.Н.) с докладом Македонио Гарсиа: „Художественная жизнь современной Мексики“ (на испанском языке) и выступлениями артистов МГКТ: А. Б. Оленина и Е. Н. Толубеевой — рассказы, стихи, песни, музыкальные отрывки. Большой успех выпал на долю вечера (26/XI) сказителей былин (совместно с Фольклорной п/с Литературной секции Г.А.Х.Н.), со вступительным словом Б. М. Соколова и художественным исполнением былин сказителями Севера: И. П. Рябининым и Н. С. Богдановым.

21/XII был организован вечер-доклад на тему: „Живописность в современном русском искусстве“ (совместно с группой по изучению проблемы живописности Секции пространственных искусств) с докладом Н. М. Тарабукина и выставкой работ современных русских художников, являвшейся иллюстрацией к положениям докладчика.

В отношении выставок НПЧ принимала участие в организации выставки рисунков Д. И. Митрохина, к которой был выпущен каталог со статьей К. С. Кравченко.

Вне стен Академии работа протекала в следующих направлениях: В. А. Филипповым были прочитаны популярные лекции: в Центральном техникуме театрального искусства — „Театры Москвы за годы революции“ (19/X); в Центральном доме работников просвещения — „Репертуар октябрьского десятилетия“ (22/X); в Культкоме театра сатиры — „Искусство актера“ (30/X); в Центральном доме Рабпроса Замоскворецкого района — „Театр Мейерхольда“ (10/XI).

17 декабря 1927 года в клубе Наркомзема был прочитан доклад Н. А. Бродского на тему: „Гоголь в театре им. Мейерхольда“, вызвавший оживленные прения.

Кроме того, необходимо отметить многочисленные выступления за отчетный период И. Н. Кубикова в рабочих клубах.

В отношении систематических выступлений (вечера и выставки) в наиболее крупных рабочих клубах Москвы разработан особый план клубной комиссией, который будет введен в действие во вторую половину академического года.

Жорж Дюамель в Г. А. Х. Н.

9-го апреля 1927 года в честь приехавшего в Москву французского писателя Жоржа Дюамеля состоялся вечер, посвященный его творчеству. С приветствием от Г. А. Х. Н. выступил Президент Г. А. Х. Н. П. С. Коган. Затем, М. Д. Эйхенгольд прочел доклад: „Творчество Жоржа Дюамеля“. Докладчик указал на отличие унанимизма, ставящего своей задачей изображение жизни группы, коллектива, от поэзии Дюамеля, обращенной на внутреннюю жизнь единичной личности. Дюамель подчеркивает духовное начало в поэтическом познании и в связи с этим все его творчество носит этический характер. Человечность—основная тема Дюамеля, входившего в состав поэтической группы „Аббатство“. Мировая война, в которой Дюамель принял участие, как хирург, оказала большое влияние на его творчество. Значительное количество его произведений, новеллы и лирика, посвящено войне. Дюамель разрушает традиционный батальный жанр. Его пацифизм, однако, исходит скорее от личности физиологической, чем от личности социальной. Но поскольку Дюамель берет простого человека, человека массы, и пацифизм его окрашивается социально. Романы Дюамеля психологичны. Лирика, как и проза, отличается беседовым тоном. В формальном отношении Дюамель сторонник свободного стиха. Пацифизм Дюамеля вызвал его участие в литературно-общественных протестах демократической и социалистической интеллигенции против войны. Он подписался под манифестом Ромена Роллана — „Декларация о независимости духа“, участвовал в антологии „Поэты против войны“ и т. п.

Второе отделение вечера было посвящено чтению произведений Жоржа Дюамеля. Артистами МХАТ 1-го и 2-го: Ю. А. Завадским, В. В. Лужским и В. А. Подгорным, а также С. В. Шервинским были зачитаны новеллы и стихотворения Ж. Дюамеля („Бенгалийский зяблик“, „Кирасир Кювелье“, „Дама в зеленом“, „Баллада о солдатской смерти“, „Элегии“ и др.) в переводах Т. Ириновой, А. Кугеля, С. В. Шервинского, М. Эйхенгольца, А. Эфроса и др.

В заключение Жорж Дюамель прочел ряд своих лирических произведений и отрывков прозы.